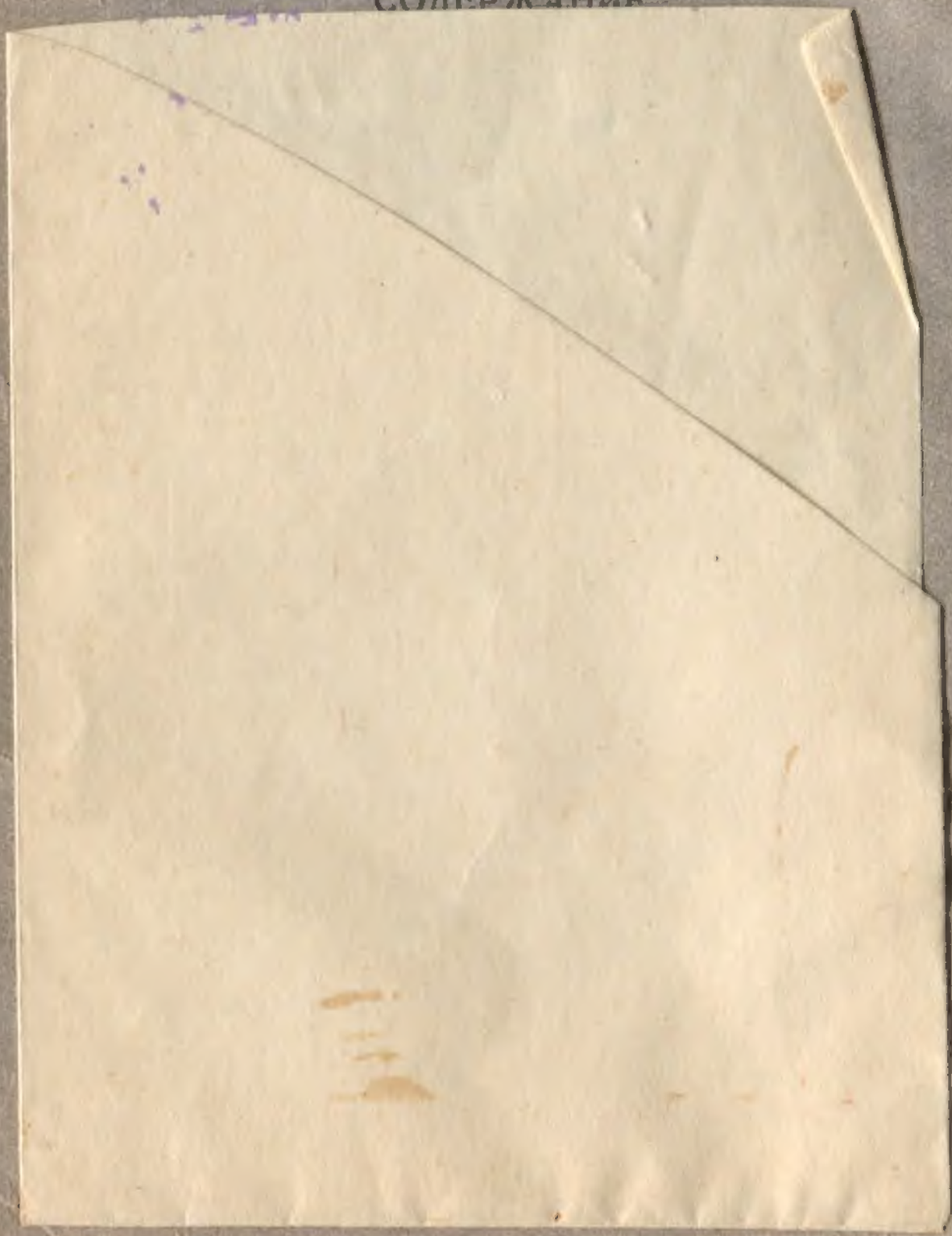
СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

О ЗВЕРСТВАХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ гор. ХАРЬКОВА И ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ИХ ВРЕМЕННОЙ ОККУПАЦИИ

Издание газеты „Сталинское знамя".
Пенза. 1944.

ПРОВЕРЕНО

СОДЕРЖАНИЕ



90980

Пенз. Областная Библиотека
имени М. Ю. ЛЕРМОНТОВА
67.411кр
С89

ХАРЬКОВ. 15 декабря. (ТАСС). Сегодня в гор. Харькове в Военном Трибунале 4-го Украинского фронта под председательством генерал-майора юстиции тов. **А. Н. Мясникова** и при участии государственного обвинителя полковника юстиции тов. **Н. К. Дунаева** началось слушанием дело о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории гор. Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации.

По настоящему делу преданы суду по обвинению в преступлениях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, чиновник 560 группы германской тайной полевой полиции старший ефрейтор вспомогательной полиции **Рецлав** Рейнгард, офицер германской военной контрразведки **Лангхельд** Вильгельм, заместитель командира роты СС «зондеркоманды СД», унтерштурмфюрер СС **Риц** Ганс и их пособник, изменник Родине **Буланов**, служивший в качестве шофера в Харьковской «зондеркоманде СД».

В судебном заседании участвует судебно-медицинская экспертиза в составе главного судебно-медицинского эксперта НКЗ СССР директора научно-исследовательского института судебной медицины т. **В. И. Прозоровского**, профессора кафедры судебной медицины 2 Московского медицинского института т. **В. М. Смольянинова**, старшего научного сотрудника Института судеб-

ПРОВЕРЕНО

ной медицины т. **П. С. Семеновского**, главного судебно-медицинского эксперта 2-го Украинского фронта, майора медицинской службы т. **М. П. Притворова**, судебно-медицинского эксперта, майора медицинской службы т. **Г. И. Городниченко** и патолога-анатома майора медицинской службы т. **Д. Е. Якаша.**

Обвиняемых защищают по назначению от суда адвокаты **тт. Н. В. Коммодов, С. К. Казначеев и Н. П. Белов.**

Председательствующий генерал-майор юстиции тов. Мясников производит опрос подсудимых и свидетелей, предупреждая свидетелей об их обязанности показывать суду правду. Председатель предупреждает судебно-медицинских экспертов, что они должны представлять суду свои заключения в соответствии со своими специальными познаниями. Присутствующие на суде переводчики предупреждаются председателем об их обязанности с абсолютной точностью переводить все вопросы и ответы.

После того, как опрос подсудимых и свидетелей закончен, суд оглашает обвинительное заключение. Его зачитывает секретарь суда капитан юстиции т. Кандыбин.

Обвинительное заключение подробно воспроизводит чудовищную картину массовых убийств и истязаний ни в чем не повинных советских людей, которые были тысячами уничтожены немецко-фашистскими извергами, временно оккупировавшими город Харьков и Харьковскую область.

Ниже приводится текст обвинительного заключения.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в г. Харькове и Харьковской области

По мере изгнания немецко-фашистских захватчиков с временно оккупированной советской территории вскрываются все большие и большие злодеяния, творимые войсками германской армии.

После освобождения от немецких фашистов города Харькова и Харьковской области были выявлены многочисленные факты чудовищного истребления немцами мирных советских граждан, в том числе женщин, стариков и детей.

Немецко-фашистские войска, под руководством своих начальников удушили в специально оборудованных газовых машинах—«душегубках», повесили, расстреляли и замучили многие десятки тысяч советских людей, разграбили имущество государственных, хозяйственных, культурных и общественных организаций, сожгли и разрушили целые города и тысячи населенных пунктов, угнали в немецкое рабство многие сотни тысяч мирных жителей.

Все эти злодеяния и бесчинства являются не отдельными изолированными фактами, а лишь звеном в большой цепи преступлений, которые творились и творятся немецкими захватчиками по прямому указанию германского правительства и верховного командования немецкой армии.

Еще задолго до войны главарь немецких фашистов Гитлер, излагая планы порабощения Европы, указывал на необходимость истребления славянских народов—русских, украинцев, поляков, чехов и других.

Ближайший помощник Гитлера—Геринг, реализуя установки своего хозяина, призывал немцев убивать советских граждан.

Эти людоедские установки фашистских руководителей являлись и являются основой воспитания немецкой армии, давшего свои кровавые плоды.

Для практического осуществления планов Гитлера по истреблению славянских народов германское командование в своих военных школах и училищах ввело специальный курс лекций на тему о необходимости истребления советских людей.

Так, обвиняемый по настоящему делу старший ефрейтор германской армии **Рецлав** Рейнгард, прошедший обучение в отдельном батальоне «Альтенбург», на следствии показал:

«На курсах даже было организовано несколько лекций руководящих чиновников ГФП (германской тайной полевой полиции), которые прямо указывали о том, что народы Советского Союза и особенно русской национальности являются неполноценными и должны быть в подавляющем большинстве уничтожены, а в незначительной своей части использованы немецкими помещиками в качестве рабов.

Эти указания исходили из политики германского правительства в отношении народов оккупированных территорий и, надо признать, что в практической работе каждым военнослужащим германской армии, в том числе и мной, неуклонно выполнялись». (т. 2, л. д. 67).

Когда началась война с СССР, эти установки немецкие войска начали проводить в жизнь во

временно оккупированных районах Советского Союза.

Вторгнувшись на территорию нашей Родины и встретив повсеместное сопротивление советского народа, немецко-фашистские армии и германские карательные органы начали широко применять разбой и убийства ни в чем не повинных советских людей.

Взятый в плен частями Красной Армии оберштурмбанфюрер Хейниш Георг—бывший заместитель начальника штаба Геса, занимавший на временно оккупированной советской территории пост окружного комиссара города Мелитополя, член национал-социалистской партии с 1923 года, на допросе показал:

«В середине августа 1943 года в одном из поселков близ города Ровно состоялась конференция 28-ми окружных комиссаров Украины.

Работой конференции руководил имперский комиссар Украины—Кох.

Из докладов окружных комиссаров вытекало что население сопротивляется насильственной мобилизации на работу в Германию.

В связи с этим Кох говорил о необходимости усилить мероприятия против населения и не останавливаться перед тем, чтобы уничтожить лишних несколько тысяч человек.

В частности, он заявил, что принял решение отправить на работу в Германию максимальное количество работоспособных жителей районов Северной Украины, а остальное население этих районов полностью уничтожить, так как в этих районах действовало несколько неуловимых партизанских отрядов, а ранее применяемые к мирному населению репрессивные меры—сожже-

ние деревень, массовые расстрелы и уничтожение жителей этих районов, по словам Коха, удовлетворительных результатов не дали.

Уничтожение наибольшего числа граждан Советской России может пойти только на пользу Германии, так как это ослабляет Россию.

Последние слова Коха отражают линию Гитлера и его ставки. Особенно беззастенчиво германское командование проводит эту линию при отступлении, когда производятся максимально полные разрушения всех населенных пунктов и принудительная эвакуация местного населения.

Того, кто отказывается эвакуироваться, расстреливают на месте.

Дети, старики, а также женщины, угоняемые немцами, погибают от голода, так как их никто не снабжает продовольствием, от болезней и лишений.

Ясно, что такого рода мероприятия не имеют другого смысла, кроме уничтожения максимального количества советских людей с тем, чтобы большевики не получили рабочей силы и пополнений в армию». (т. 3, л. д. 9—10).

Таким образом, зверское истребление советских людей путем умерщвления их в газовых автомобилях—«душегубках», расстрелов и избиений, насилия и грабежей, чинимых немецкими войсками в городе Харькове и Харьковской области, является выполнением чудовищных планов правящей клики фашистской Германии по уничтожению советского народа.

Следствием установлено, что зверства, насилия и грабежи в городе Харькове и Харьковской области во время их оккупации немцами

чинились офицерами и солдатами германской армии и в частности:

дивизией СС «Адольф Гитлер», под командованием обергруппенфюрера войск СС Дитрих;

дивизией СС «Мертвая голова», которой командовал группенфюрер войск СС Симон;

германскими карательными органами:

- Харьковской «зондеркомандой СД», во главе с ее начальником штурмбаннфюрером Ханебиттер;

группой германской тайной полевой полиции г. Харькова, возглавляемой комиссаром полиции Кархан и его заместителем—секретарем полиции Вульф;

560 группой ГФП при штабе 6-й германской армии—комиссаром полиции Мериц;

привлеченными по настоящему делу в качестве обвиняемых:

Рецлав Рейнгардом, чиновником 560 группы германской тайной полевой полиции;

Лангхельд Вильгельмом—капитаном германской военной контрразведки;

Риц Гансом—заместителем командира роты СС «зондеркоманды СД»;

пособником немцев, изменником Родины Булановым Михаилом—шофером Харьковской «зондеркоманды СД».

Предварительным следствием установлена система:

удушения—окисью углерода в специально оборудованных автомашинах «душегубках» многих тысяч советских людей;

зверской расправы над мирными советскими гражданами и уничтожения городов и населен-

ных пунктов временно оккупированной территории;

массового истребления стариков, женщин и малолетних детей;

расстрелов, сожжения и издевательств над советскими ранеными и военнопленными.

Все это является вопиющим нарушением правил ведения войны, установленных международными Конвенциями, и общепринятых правовых норм.

I.

Судебным следствием по делу о зверствах немецких оккупантов в городе Краснодаре, произведенным в июле 1943 года, было установлено существование специально оборудованных автомашин, называемых «душегубками», в которых германские карательные органы умерщвляли мирных советских граждан окисью углерода.

Судебно-медицинская экспертиза, производившая эксгумацию и исследование трупов, обнаруженных в противотанковом рву близ города Краснодара, в своем заключении от 29 июня 1943 года констатировала:

«На основании судебно-медицинских данных — розовой, розово-красной и ярко-красной окраски кожных покровов, слизистой губ, скелетных мышц, наружной оболочки сердца, брюшины, наружной оболочки кишечника, слизистой оболочки желудка, поверхности разрезов почек и в некоторых случаях других внутренних органов (например: легких, сердца),—

судебно-химических и спектроскопических исследований крови, кровянистой жидкости и кусочков органов, изъятых из трупов при судебно-медицинских исследованиях, установлено,

что причиной смерти в 523 случаях (из экспертированных 623 трупов) было отравление окисью углерода» (т. 1, л. д. 77—78).

Как установило следствие, такие же газовые автомобили, получившие название «душегубки», немцы применяли для умерщвления мирных советских граждан, помимо Краснодара, также и в городе Харькове.

Машины эти, как показывают обвиняемые немцы, привлеченные по настоящему делу, а также и свидетели, являвшиеся очевидцами творимых немцами злодеяний, — представляют собой крытые больших размеров автомашины темно-серого цвета, с дизельмотором.

Внутри эти автомашины обиты оцинкованным железом и в задней части кузова имеют двухстворчатые, герметически закрывающиеся двери. Пол кузова оборудован деревянной решеткой, под которой проходит труба с отверстиями, соединяющаяся с выхлопной трубой мотора.

Отработанные газы дизельмотора, содержащие окись углерода высокой концентрации, поступают в кузов автомашины, вызывая быстрое отравление и смерть от удушения находящихся в машине людей.

Обвиняемый по настоящему делу старший ефрейтор германской армии Ретцлав Рейнгард, чиновник группы германской тайной военной полиции в городе Харькове, принимавший непосредственное участие в умерщвлении советских людей посредством газовых автомобилей — «душегубок», показал:

«Мне [illegible] пришлось присутствовать и при расстреле [illegible]

В кузове машины слышались крики о помощи и рыдания женщин.

Когда в «газвагене» было погружено около 50 человек больных и обслуживающего персонала, дверь машины захлопнули, и она направилась за город». (т. 3, л. д. 87).

Свидетельница Подконай Ульяна Никитична, проживающая в городе Харькове, по Рыбной улице, где размещался гараж гестапо, в котором стояли «душегубки», показала:

«Среди арестованных были мужчины, женщины и дети, которых гестаповцы плакали и прикладами загоняли в машину. У многих на лицах были синяки и кровоподтеки, одежда порвана, женщины и дети плакали, но гестаповцы их хватали и насильно втаскивали в машину.

Когда автомашина была битком набита людьми и ее хотели уже закрыть, два гестаповца ввели во двор плачущую женщину с двумя девочками лет 8 и 10-ти.

Одна из девочек, не понимая, что происходит, торопясь, стала кричать: «мама, иди быстрее, а то машина уйдет без нас».

Подойдя к машине, женщина, услышав из нее крики и стоны, заплакала еще сильнее и остановилась, но ее силой втолкнули в кузов.

Одна из девочек в это время тоже заплакала и стала кричать: «мама, мама».

Стоявшие рядом гестаповцы схватили обеих девочек и вбросили в машину к обезумевшей от страха матери. Вслед за этим двери машины захлопнулись, и она выехала со двора в ремесло».

(т. 3, л. д. 182).

Следствием также установлено, что немецкие захватчики трупы советских людей, после умерщвления их в «душегубках», вывозили на окраину города Харькова, где [illegible] пустые бараки и другие [illegible] здания, обливали бензином и сжигали.

Обвиняемый старший офицер немецкой армии Рецлав по этому [illegible]:

«В конце марта 1942 года [illegible] участвовал в погрузке людей в [illegible] автомобиль» и затем получил приказ Хенебиттер сопровождать машины к месту разгрузки. Проехав через город, мы достигли бараков Харьковского тракторного завода и там остановились. При этом начальник команды СД Хенебиттер приказал находившимся с ними солдатам «зондеркоманды» разгружать трупы и складывать их в коридор одного из бараков, в котором, как я видел своими глазами, уже находилось большое количество трупов, привезенных, видимо, раньше.

Когда разгрузка была закончена, Хенебиттер дал команду отвести все машины в сторону, за исключением одного грузовика, на котором ехала группа солдат «зондеркоманды».

Из этого грузовика, по указанию Хенебиттер, солдаты взяли несколько банок с бензином, пошли во внутрь барака, облили [illegible] выброшенные туда трупы, затем облили некоторые места наружной части барака и подожгли его». (т. 2, л. д. 95—96).

Факты сожжения немцами трупов людей, умерщвленных посредством «газового автомобиля»—«душегубки» в бараках Харьковского тракторного завода, помимо обвиняемого Рецла-

ва, подтверждаются показаниями свидетеля Серикова Даниила Александровича, Ризван Порфирия Иосифовича и заключением судебно-медицинской экспертизы, производившей эксгумацию и исследование трупов, вскрытых на территории города Харькова и его окрестностях.

Исследовав обстоятельства сожжения трупов в окрестностях Харьковского тракторного завода и остатки тел и костей, извлеченных при раскопке на месте сожжения бараков,—судебно-медицинская экспертиза в своем заключении от 15 сентября 1943 года констатирует:

«При осмотре территории нескольких сгоревших бараков ХТЗ обнаружено значительное число обгоревших человеческих костей и целых черепов без механических повреждений.

При разрытии одной из нескольких щелей (укрытий) около одного сгоревшего барака среди золы, земли и мусора также были найдены обгоревшие человеческие кости (ключицы, ребра, позвонки) и целые черепа без механических повреждений.

Кроме того также были найдены обгоревшие куски одежды, ложки, котелки, металлический замок от дамской сумочки и т. п.».

Боясь ответственности за совершаемые чудовищные преступления и истребление советских людей при помощи специально оборудованных автомашин, немецкие фашисты за последнее время стали принимать меры к тому, чтобы скрыть применение ими этого орудия смерти.

Оберштурмбаннфюрер Хейниш на допросе показал, что в июле 1943 года на закрытом совещании 5-ти окружных комиссаров Таврической области выступил начальник СД и гестапо

по Крыму и Таврии генерал-лейтенант полиции фон-Альвенслебен, который заявил, что Гитлер крайне недоволен болтливостью лиц, которым так или иначе стало известно о существовании «газового автомобиля». В результате этой болтливости, заявил фон-Альвенслебен, а также в результате беспечности отдельных руководителей СД и гестапо материалы о «газовом автомобиле» попали в руки русских.

В связи с этим, как заявил Хейниш, фон-Альвенслебен передал им предписание Гитлера о необходимых мерах к прекращению подобного рода болтливости и к усилению конспирации при использовании «газового автомобиля». (т. 3, л. д. 5).

II.

Стремясь истребить возможно больше мирных советских граждан, немецкие захватчики, помимо уничтожения людей посредством «газовых автомобилей»—«душегубок», прибегали к массовым расстрелам, виселицам, истязаниям и пыткам над советскими людьми

В результате систематических облав и массовых арестов мирных советских граждан, как показали обвиняемые по настоящему делу — Рецлав, Рид, Лангхельд и изменник Родины Буланов, тюрьмы гестапо и других германских карательных органов были переполнены ни в чем не повинными советскими людьми.

Чиновники фашистских карательных органов на допросах каждого арестованного, независимо от наличия на него материалов, подвергали нечеловеческим пыткам и избиениям шомполами, резиновыми дубинками, плетками и палками, добиваясь таким образом от них «показаний».

Причем многих из них избивали до такой степени, что они умирали прямо на допросах.

Особенно жуткое зрелище представляли расправа немецких извергов с советскими детьми и подростками. Не единичны случаи, когда малолетних детей немцы живыми бросали в ямы и закапывали.

В городе Харькове, по распоряжению гестапо, многие мирные советские граждане были переселены из городских квартир в специально отведенные бараки, расположенные на территории рабочего городка Харьковского тракторного завода.

Во время переселения из городских квартир в этот рабочий поселок, как показал обвиняемый Буланов, советские граждане подвергались неоднократным ограблениям и издевательствам со стороны немецких солдат и сотрудников гестапо.

После того, как все переселяемые были водворены в бараки, немцы стали формировать партии по 200 — 300 человек в каждой, куда входили также и подростки, дети и старики, а потом под видом отправки их в глубокий тыл уводили в балку, расположенную в 4 — 5 километрах от рабочего городка Харьковского тракторного завода, где и расстреливали их у заранее приготовленных больших ям.

В декабре 1941 года гестаповцами было расстреляно 900 советских граждан, находившихся на излечении в Харьковской больнице, среди которых было много детей и стариков. Расстрел их был произведен в 4—5 километрах от города Харькова, недалеко от дороги, идущей в сторону Чугуева. Трупами были наполнены

одежду, многие падали в обморок, но немецкие фашисты не обращали на это внимания. Пинками, ударами прикладов и плетьми заставляли их подняться, но с тех, кто не поднимался, палачи сами срывали одежду и бросали в ямы. Несколько девушек, с которыми были дети, пытались бежать, но были убиты.

Я видел, как после автоматной очереди некоторые женщины, шатаясь и размахивая беспомощно руками, с душераздирающими криками шли навстречу стоявшим немцам. В это время немцы их расстреливали из пистолетов... Обезумевшие от страха и горя матери, прижимая к груди детей, со страшными воплями бегали по поляне, ища спасения.

Гестаповцы вырывали у них детей, хватали их за ноги или за руки и швыряли живыми в яму, а когда матери бежали за ними к яме, тех их расстреливали. (т. 3, л. д. 162—163).

Подтверждая факты массового расстрела советских людей в лесопарке, свидетель Даниленко показала:

В конце января 1943 года на этом же месте немцы в течение двух дней [illegible] расстреливали советских граждан. В эти страшные два дня в лесу была слышна стрельба и невероятные крики людей, слышны были мужские, женские и детские голоса.

Весной 1943 года, когда снег [illegible] и земля, которой были засыпаны ямы, осела, я вместе с другими жителями ходила засыпать ямы. Когда я пришла к месту, где были расстреляны наши советские граждане, то увидела, что обе ямы были набиты трупами рас-

стрелянных. Из-под небольшого слоя земли были видны черепа, ранее продырявленные ружейным выстрелом. (С. З., т. 1, с. 159)

III

Международные правила ведения войн запрещают жестокое обращение с военнопленными.

Военнопленные раненые и больные, согласно этим международным конвенциям, должны пользоваться заботой со стороны государства, во власти которого они находятся.

Однако, немецкие власти [illegible] систематически [illegible] сотни тысяч [illegible].

Более того, в лагерях военнопленных германские власти [illegible] советских граждан, [illegible] от времени оккупированной территории Советского Союза, рассматривая их как военнопленных.

Так, свидетель фельдфебель германской армии [illegible], сотрудник [illegible] военнопленных, [illegible] «Шталаг-231», показал:

«Кроме советских военнопленных, в [illegible] «Шталаг-231» содержались также мирные граждане, захваченные на оккупированной территории Советского Союза и рассматриваемые германским командованием как военнопленные. Среди этих граждан были старики, женщины и дети.

Мне известно, что [illegible] советских [illegible] были [illegible] и в других лагерях [illegible]

ных палкой толщиной в 4—5 см., после чего допрашиваемых нередко из моего кабинета приходилось выносить. Избиения военнопленных практиковались во всех частях немецкой армии.

...На толпу измученных и голодных людей во время раздачи скудной пищи конвойные солдаты натравливали собак.

Собаки врывались в толпу, рвали в клочья одежду и тела пленных, сшибали отдельных из них на землю и таскали, терзая их, по земле. Некоторых растерзанных и полуживых военнопленных и гражданских лиц солдаты пристреливали и приказывали выбросить за ограду, чтобы не возиться с их лечением. (т. 2, л. д. 191—192, 211).

В марте 1943 года немцы расстреляли и сожгли захваченных ими в плен 800 раненых бойцов и офицеров Красной Армии, находившихся на излечении в 1-м армейском сортировочном госпитале 69-й армии, размещавшемся в городе Харькове по улице Трикляра.

Описывая обстоятельства этого злодеяния немецко-фашистских захватчиков, свидетели профессор Катков, врач Джигвиладзе и медсестра Сокольская, работавшие в то время в госпитале, показали, что 13 марта 1943 года к госпиталю под'ехали три автомашины с эсэсовцами дивизии «Адольф Гитлер», которые закрыли выход, ведущий в 8-й корпус, и бросили в него зажигательный снаряд. Корпус загорелся. Спасаясь от смерти, находившиеся в корпусе раненые стали выбрасываться из окон горящего здания, но здесь же расстреливались немецкими извергами.

На другой день группа эсэсовцев в количестве 9-ти человек вновь явилась в этот госпиталь и, выгнав из палаты медперсонал, расстреляла всех оставшихся раненых, находившихся в других корпусах госпиталя.

Свидетель Козлова Мария Александровна, муж которой был зверски убит во время этой кровавой расправы гитлеровцев, показала:

«Будучи в действующей Красной Армии, мой муж был ранен и помещен на излечение в 1-й армейский госпиталь, находившийся в то время в городе Харькове.

15 марта я решила снести ему передачу. Подойдя к месту расположения госпиталя, я не могла сразу узнать, что это тот самый госпиталь, в котором находится на излечении мой муж.

Жуткая картина встала перед моими глазами, везде и всюду груды развалин, по всей территории валялись трупы сожженных и зверски замученных советских граждан. Видя чудовищные злодеяния, я, не помня себя, побежала к уцелевшему от огня 4-му корпусу. Ужас охватил меня, когда я вошла в первую палату. Горы трупов, изуродованных до неузнаваемости, валялись в ней. В беспамятстве я прибежала к кровати мужа — она была пуста и залита кровью. При этом труп своего мужа, обезображенный и окровавленный, я увидела на полу валявшимся между кроватями. Голова была пробита, один глаз выколот, руки сломаны, из лежащих рад еще сочилась кровь». (Т. 6, л. д. 146—147).

Таким образом материалами следствия — показаниями обвиняемых, свидетелей, а также актами

IV

Сведения, данные этим задержанным, о том, что трое арестованных якобы занимались в антигерманской деятельности, и вынужденно внес в эти заключения 25 человек рабочих Харьковского трамвайного депо и Харьковской городской электростанции.

На основании его заключений эти рабочие были арестованы и в дальнейшем из них 15 человек были расстреляны, а 10 умерщвлены посредством «душегубки».

Неоднократно лично загружал в «душегубку» советских граждан, убив таким образом до 50 человек.

Сопровождая «душегубку» к месту выгрузки на территорию Харьковского тракторного завода, принимал непосредственное участие в выгрузке трупов удушенных.

РИЦ Ганс, являясь заместителем командира роты СС при Харьковской «зондеркоманде СД», принимал участие в истязаниях и расстрелах мирных советских граждан.

В июне 1943 года участвовал в массовом расстреле ни в чем не повинных советских людей в районе деревни Подворки, близ Харькова.

Участвовал в допросах арестованных «зондеркомандой СД».

Лично избивал их шомполами и резиновыми палками, добиваясь получения от них ложных вымышленных показаний о проведении якобы ими антигерманской деятельности.

ЛАНГХЕЛЬД Вильгельм, являясь офицером немецкой контрразведки, принимал непосредственное участие в расстрелах и зверских расправах над военнопленными и мирным населением.

Допрашивал военнопленных, путем истязаний и угроз расстрела добивался от них заведомо вымышленных показаний.

Сфальсифицировал ряд искусственных дел против советских граждан, по которым было расстреляно до 100 человек.

БУЛАНОВ Михаил Петрович, изменив Родине, перешел на сторону немцев и поступил к ним на службу на должность шофера Харьковского отделения гестапо.

Принимал участие в истреблении советских людей путем их удушения в «душегубке».

Выезжал на расстрел мирных советских граждан.

Принимал личное участие в расстреле группы детей, в количестве 60 человек.

Все обвиняемые, привлеченные по настоящему делу, а именно: **Рецлав Р., Рид Г., Лангхельд В.** и **Буланов М. П.**, признали себя виновными в предъявленном им обвинении и дали подробные показания о своей преступной деятельности.

На основании изложенного **обвиняются:**

Рецлав Рейнгард, 1907 г. рождения, уроженец гор. Берлина, со средним образованием, бывших германской тайной полевой полиции города Харькова, старший ефрейтор вспомогательной полиции.

Рид Ганс, 1919 года рождения, уроженец гор. Мариенвердер (Германия), немец, с высшим образованием, член национал-социалистской партии с 1937 г., зам. командира роты СС, унтершгурфюрер СС.

Лангхельд Вильгельм, 1891 г. рождения, уроженец г. Франкфурт на Майне, немец, член

После оглашения на суде обвинительного заключения и перевода его на немецкий язык подсудимые, отвечая на вопрос председательствующего, заявили, что полностью признают себя виновными в предъявленных им обвинениях.

* * *

ХАРЬКОВ, 15 декабря. (ТАСС). Сегодня Военный Трибунал 4-го Украинского фронта начал слушание дела о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории города Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации.

В переполненном зале присутствуют [illegible] трудящиеся: рабочие, колхозники, представители интеллигенции, бойцы, офицеры и генералы Красной Армии. Многие из них были личными свидетелями изуверской немецко-фашистской системы массового истребления советских людей. Одни потеряли родных и близких, погибших от рук гитлеровских убийц, другие сами были на волосок от смерти и спаслись только чудом. [illegible]

[illegible]

[illegible] А. Н. [illegible] Н. А. [illegible] С. С. [illegible]

После краткого опроса подсудимых, устанавливающего их личность, председательствующий предупреждает свидетелей об их обязанности говорить суду правду. Судебно-медицинских экспертов председатель суда предупреждает о том, что они должны представлять свои заключения в соответствии со своими специальными познаниями.

Присутствующие на суде переводчики предупреждаются председателем об их обязанности с абсолютной точностью переводить все вопросы и ответы.

После этого суд приступает к оглашению обвинительного заключения.

После оглашения обвинительного заключения, к которое весь зал выслушивает с напряженным вниманием, и перевода этого обвинительного заключения на немецкий язык для группы обвиняемых-немцев суд приступает к допросу обвиняемых.

Все подсудимые—Рецлав Рейнгард, Лангхельд Вильгельм, Рид Ганс и Буланов полностью признают себя виновными в предъявленных им обвинениях.

Первым допрашивается подсудимый Вильгельм Лангхельд, капитан германской контрразведки. Он признает, что являлся непосредственным участником массовых расстрелов советских людей. Недаром он считался примерным служакой и получил от своего командования три награды. Отвечая на вопросы прокурора, Лангхельд рассказывает о том, как в лагерях для военнопленных гитлеровцы фабриковали ложные обвинения, на основании которых ни в чем не повинные люди подвергались расстрелу.

— Мое непосредственное начальство,—показывает он,—майор Люляй сделал мне замечание, почему у меня мало расстрелов. Я извинился, сказал, что недавно в этом лагере и еще не имел возможности себя проявить.

Прокурор.—А вы не пытались доказать майору, что военнопленные не совершили никаких преступлений?

Лангхельд.—Да, я знал, что нет преступлений и нет дел, но замечание майора воспринял, как приказ создать их, если нет, то выдумать. Я приказал привести ко мне одного из самых истощенных пленных, думая, что от него мне удастся легче получить нужные показания.

Прокурор.—То есть вымышленные?

Лангхельд.—Да, разумеется, вымышленные, спровоцированные. Когда ко мне привели пленного, я спросил, известно ли ему, кто в лагере собирается совершить побег, и пообещал при этом улучшить его питание. Пленный отказался назвать мне какие-бы то ни было фамилии, сказав, что он о таких случаях не знает. Но так как я все-таки должен был выполнить приказ майора, то приказал бросить пленного на землю и избивал его палками, пока он не лишился сознания. Затем я составил протокол, пинками разбудил потерявшего сознание пленного и попытался заставить его подписать протокол. Он снова отказался.

Прокурор. Кто же все-таки подписал протокол?

Лангхельд.— Переводчик.

Прокурор.—Следовательно, этот протокол был ложный?

Лангхельд.—Да.

Прокурор.—Что же в нем было записано?

Лангхельд.—Мы написали, что двадцать воен. и пленных якобы собрались совершить побег. Фамилии назвали совершенно произвольно. Я просто выбрал их из лагерного списка. На следующий день протокол доложили майору, и он распорядился всех расстрелять. Это распоряжение было выполнено.

Прокурор. Таким образом были расстреляны ни в чем не повинные люди?

Лангхельд.—Да.

Из дальнейших показаний подсудимого явствует, что подобная практика у Лангхельда и других немецких офицеров была системой. Подсудимый показывает о втором таком же случае. На этот раз его жертвой были шесть ни в чем не повинных украинских женщин. Это были крестьянки ближайших деревень. Они приходили в лагерь искать своих родственников. Желая отличиться перед начальством, Лангхельд решил добиться от этих женщин показаний в том, что они якобы помогали установить связь между партизанами и находящимися в лагере военнопленными. С этой целью были арестованы шесть женщин, из них одна с пятилетним ребенком. От них добивались вымышленных показаний теми же методами: раздевали, бросали на скамью, били палками и шомполами. Но никакие мучения и пытки не могли вынудить у советских женщин ложных признаний. Они падали без сознания, но не сказали ни слова.

— Как вела себя женщина, у которой был ребенок,—спрашивает прокурор,—и как вел себя ребенок?

Лангхельд.— Ребенок сначала цеплялся за

мать плакал, а затем отполз в угол и забился там в страшном испуге.

На следующий день Лангхельд написал служебную записку в местную комендатуру, указав, что якобы им раскрыты пять случаев связи партизан с военнопленными. Местная комендатура увезла пятерых женщин и, как выяснилось впоследствии, расстреляла.

Прокурор.— Но ведь женщин было шесть. Что же стало с шестой?

Лангхельд бесстрастным тоном показывает, что шестая в ту же ночь умерла от побоев, и поэтому для него не было смысла включать ее в служебную записку. Этой шестой и была женщина с пятилетним ребенком.

На вопрос прокурора, что же стало с ребенком, Лангхельд отвечает: он цеплялся за мертвую мать, громко кричал. Ефрейтору, который пришел, чтобы вытащить труп женщины из помещения, это надоело, и он застрелил ребенка.

Ропот возмущения пробегает по залу. Подлые душегубцы! Они ответят за свои чудовищные злодеяния.

Допрос продолжается.

Прокурор спрашивает подсудимого, являлись ли подобные случаи единичными или они были системой в германской армии.

— Это имело место всюду, было системой,— отвечает Лангхельд.

Он далее указывает, что эту систему утверждали и проводили приказы и распоряжения германского правительства и командования германской армии. На вопрос прокурора — значит, можно считать установленным, что приказы о массовом уничтожении ни в чем не повинных

советских людей исходили от германского правительства. Лангхельд отвечает твердо и четко:—Да. Он приводит факт, когда по его распоряжению в Дарницком лагере были расстреляны десять ни в чем не повинных офицеров Красной Армии, чтобы «предупредить побеги».

— Эта моя инициатива,—добавляет он,—была полностью одобрена командованием.

Лангхельд признает, что он не только знал о существовании так называемого «газового автомобиля»—специально оборудованной автомашины для удушения советских людей окисью углерода, но и видел лично эту машину, наблюдал, как производится в нее погрузка советских граждан.

Из дальнейших показаний Лангхельда выясняется страшная картина режима террора и провокации, царивших в немецких лагерях военнопленных. В этих лагерях вместе с военнопленными содержалось под видом военнопленных и гражданское население. Военнопленных и содержащихся под видом военнопленных гражданских лиц морили голодом, травили собаками, уничтожали под всяким предлогом и вовсе без предлогов. Лангхельд приводит такой факт. В одном из лагерей пленные жили под открытым небом. Чтобы согреться, они по ночам зажигали костры. Лагерное начальство само давало на это разрешение, а затем солдаты открывали стрельбу по беззащитным людям, собравшимся у костров. Это была заранее обдуманная изуверская провокация.

— Скажите, Лангхельд,—спрашивает прокурор,—сколько лично вы уничтожили советских граждан?

Фашистский палач глубокомысленно поднимает глаза кверху, минуту думает и отвечает:—Точную цифру назвать затрудняюсь, но полагаю, что не менее ста.

Прокурор.—А известно ли вам, сколько всего было уничтожено немцами советских людей за время оккупации Харькова и Харьковской области?

Лангхельд.—Я слышал, что было уничтожено более тридцати тысяч человек. Столько же, а то и больше уничтожено в Киеве, около пятнадцати тысяч—в Полтаве.

Так Лангхельд и ему подобные проводили на практике указания германского правительства о массовом истреблении советских людей.

Председатель суда, генерал-майор юстиции Мясников уточняет путь палача Лангхельда по советской земле. Он был в Полтаве, под Киевом, в Дергачах, в Россоши.

Председатель.—И везде вы принимали такое активное участие в истреблении советских людей?

Лангхельд.—Да, везде.

Председатель.—Вам неизвестны случаи, когда германское командование привлекало бы своих офицеров к ответственности за издевательства над мирным населением?

Лангхельду этот вопрос кажется непонятным: такая практика не только не наказывалась, но всячески поощрялась германским командованием. И на вопрос председателя, за что он получил три награды, не за то ли, что так рьяно уничтожал советских людей, Лангхельд отвечает:—Да, я старался выполнять приказы моего начальства.

Председатель.—Вопрос имеет член суда тов. Харчев.

Член суда тов. Харчев.—По каким мотивам и когда вы вступили в национал-социалистскую партию?

Лангхельд. — В национал-социалистскую партию я вступил в 1933 году, главным образом потому, что считал ее программу правильной.

Председатель.—У экспертов имеются какие-либо вопросы к подсудимому Лангхельду?

Эксперты.—Вопросов не имеется.

Председатель (к защите).—Имеются ли у защиты вопросы к подсудимому?

Защитник Коммодов.—Чем подсудимый Лангхельд занимался до войны?

Лангхельд.—До войны я был чиновником в городском управлении города Франкфурта на Майне.

Коммодов.—С какого времени вы на Восточном фронте?

Лангхельд.—С начала войны.

Коммодов.—Разделяли ли вы взгляды национал-социалистской партии до вступления в партию?

Лангхельд.—Нет, я до этого не был членом партии.

Коммодов.—Принимали ли вы участие в войне 1914—1918 гг.?

Лангхельд.—Да, я был участником мировой войны 1914—1918 гг.

Коммодов.—Как вы объясните лично свое участие в совершении тех преступлений, в которых признаете себя виновным?

Лангхельд.—Я выполнял приказы своего на-

чальства, если бы я их не выполнил, то был бы предан военно-полевому суду.

Председатель.—У защиты имеются еще вопросы к подсудимому?

Защита.—Нет.

Логика фактов—самая сильная логика. Когда председатель суда, суммируя все факты, выявленные во время допроса Лангхельда, спрашивает его, считает ли он германское правительство и командование германской армии полностью ответственными за все эти злодеяния, за массовое истребление советских граждан, Лангхельд отвечает:—Да, считаю.

После этого суд об'являет перерыв до 10 часов 16 декабря.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ СУДА 16 ДЕКАБРЯ 1943 г.

Заседание начинается ровно в 10 часов утра.

Председатель, генерал-майор юстиции т. **Мясников.** - Судебное заседание Военного Трибунала продолжается. Продолжаем допрос подсудимого Лангхельд.

Вопрос председателя суда:

— Подсудимый Лангхельд, где вы видели «газовую машину»?

Подсудимый Лангхельд отвечает через переводчика Копылова.

—Я видел «газовую машину» в Харькове.

Председатель.—Когда?

Лангхельд.—Это было примерно в мае 1942 года, когда я был в служебной поездке в Харькове.

Председатель.—Опишите, что представляет собой «газовая машина».

Лангхельд.—Насколько я припоминаю, «газовая машина» представляет из себя автомобиль темносерого цвета, совершенно закрытый, имеющий сзади герметически закрывающуюся дверь.

Председатель.—Сколько вмещала людей эта машина?

Лангхельд.—Примерно 60—70 человек.

Председатель.—При каких обстоятельствах вы видели эту «газовую машину» в Харькове?

Лангхельд.—Я был на Чернышевской улице, 76, где размещался штаб СД, и слышал во дворе этого здания сильный шум и крики.

Председатель.—Что же там происходило?

Лангхельд.—«Газовая машина» в это время под'ехала к главному входу здания, и можно было видеть, как туда насильно загоняли людей, причем у дверей «газовой машины» стояли немецкие солдаты.

Председатель.—Вы присутствовали, когда загоняли людей в «газовую машину»?

Лангхельд.—Да, я находился в нескольких шагах от «газовой машины» и наблюдал это.

Председатель.—Расскажите, как происходила погрузка людей в «газовую машину».

Лангхельд.—Среди людей, которые грузились в «газовую машину», были старики, дети, пожилые и молодые женщины. Добровольно эти люди не хотели входить в машину, и поэтому эсэсовцы пинками и ударами прикладов загоняли людей в газовый автомобиль.

Председатель.—А почему люди не шли добровольно в машину? Что, они знали, что это за машина?

Лангхельд.—Я предполагаю, что эти люди догадывались о судьбе, которая их ожидает.

Председатель.—Кто руководил погрузкой в «газовую машину» в вашем присутствии?

Лангхельд.— Я затрудняюсь назвать какие-либо определенные имена, так как все это были лица, мне незнакомые, но, во всяком случае, это были эсэсовцы. Возле газового автомобиля я встретил одного своего знакомого, капитана германской армии.

Председатель.—Как его фамилия?

Лангхельд.—Это был капитан Бойко.

Председатель.—В каких городах оккупированной советской территории применялась «газовая машина» для истребления советских людей?

Лангхельд.—Я слышал от капитана Бойко, что подобный газовый автомобиль применялся в большинстве городов оккупированной советской территории, как то—в Харькове, Полтаве, Киеве.

Председатель.—Известно ли вам, что и в Смоленске была применена «газовая машина», как об этом вы показали на предварительном следствии?

Лангхельд.—Да, об этом я также слыхал, что и в Смоленске газовый автомобиль применялся.

Председатель.—По чьему приказу?

Лангхельд.—Так как «газовая машина» применялась эсэсовцами, то можно заключить, что применение этого автомобиля производилось по указанию правительства.

Председатель.—Назовите фамилии и должности своих помощников, с которыми вы работали.

Лангхельд.—Моими помощниками являлись фельдфебель Рунге, переводчик Шульц, старшие ефрейторы Этман и Майнэ.

Председатель.—Они также принимали активное участие в расстрелах и избиениях русских военнопленных и мирных граждан?

Лангхельд.—Да, они все принимали одинаковое участие.

Председатель.—Уточните виновность каждого из них в отдельности.

Лангхельд.—Фельдфебель Рунге в основном выполнял приказы по приведению в исполнение расстрелов. Трое остальных принимали участие в избиениях на допросах и тому подобных действиях.

Председатель.—Следовательно, в отношении своих подчиненных вы являлись таким же лицом, как и майор Люляй?

Лангхельд.—Да, это можно так сказать.

Председатель.—Вы признаете это?

Лангхельд.—Да, я это признаю.

Председатель.—Расскажите, почему немецкие офицеры и солдаты, как вы показывали на следствии, проходя по лагерю, срывали с военнопленных фуражки и бросали их в запретную зону?

Лангхельд.—Солдаты этим занимались как развлечением, чтобы таким образом выразить свою ненависть по отношению к русским.

Председатель. Как это происходило дальше?

Лангхельд. Когда пленные пытались поднять принадлежавшие им фуражки, то охрана стреляла в них. Само собою разумеется, что при этом бывали случаи, когда они их убивали.

Председатель.—Были ли еще случаи, когда стреляли по пленным?

Лангхельд.—Да. Такие случаи имели место, и я сам наблюдал подобные факты в лагере в Полтаве.

Председатель.—Кто стрелял—солдаты или офицеры?

Лангхельд. Особенно отличался в этом вахмистр, фамилию которого в настоящий момент я припомнить не могу.

Председатель.—Значит, военнопленных избирали в качестве мишени, так?

Лангхельд.—Да, можно сказать, что военнопленных в данном случае рассматривали, как дичь, по которой можно стрелять.

Председатель.—Немецкие офицеры и солдаты раздевали военнопленных?

Лангхельд.—Да, все хорошие вещи, которые имелись у военнопленных, отбирались у них.

Председатель.—То есть их грабили?

Лангхельд.—Да, так можно сказать.

Председатель.—И вы в том числе грабили?

Лангхельд.—Да, я принимал в этом участие.

Председатель.—Куда девались вещи, которые грабили у военнопленных?

Лангхельд.—Как правило, такие вещи раздавались военнослужащим рот.

Председатель.—У мирного населения немецкая армия также отбирала вещи?

Лангхельд.—В отношении гражданского населения я не могу дать никаких подробных показаний.

Председатель.—А куда девались из лагерей трупы убитых военнопленных?

Лангхельд.—За пределами лагерей были вырыты ямы, и туда бросали трупы убитых пленных.

Председатель.—Какое ориентировочно количество военнопленных погибло в лагерях?

Лангхельд.—Наивысшая цифра составляет ориентировочно за сутки 60 мертвых пленных

Председатель.—Получается, что это были не лагери военнопленных, а лагери смерти?

Лангхельд.—Да, можно сказать.

Председатель.—Есть ли дополнительные вопросы у военного прокурора?

Военный прокурор.—Нет.

Председатель.—У защиты имеются вопросы?

Защита.—Нет.

Председатель.—Садитесь, подсудимый Лангхельд.

После Лангхельда суд приступает к допросу подсудимого Рица, допрос подсудимого начинает прокурор.

Прокурор.—Подсудимый Риц, скажите, какой у вас был чин в германской армии?

Подсудимый Риц отвечает через переводчика Стесь ву, что у него был чин унтерштурмбанфюрера СС, который соответствует чину лейтенанта

Прокурор.—Вы служили в войсках СС?

Риц.—Да, я служил в войсках СС.

Прокурор.—Какие функции выполняли войска СС?

Риц.—Войска СС применяются так же, как и обычные армейские части, однако, к СС'овцам пред'являются определенные требования: арийское происхождение, определенный рост, преданность национал-социализму и т. п.

Прокурор.—Какие функции выполняла часть, которой вы командовали?

Рид.—Я руководил ротой СС, которая являлась карательным органом и была прикомандирована к «зондеркоманде СД» в гор. Таганроге.

Прокурор.—В частности, что эта рота конкретно делала?

Рид.—Рота СС действовала по приказу «зондеркоманды СД» города Таганрога и выполняла карательные функции, как то: расстрелы, принудительную эвакуацию населения из деревень и перевозку и охрану арестованных.

Далее, отвечая на вопросы прокурора, Рид уточняет «деятельность» роты СС, заместителем командира которой он был. Оказывается, эта «деятельность» заключалась главным образом в уничтожении мирного населения путем фальсификации разного рода искусственных обвинений. При этом истреблялись и старики, и женщины, и дети. Рид признает, что только по его личным подсчетам было уничтожено таким путем около 300 человек в районе Таганрога.

Прокурор.—А другими сведениями вы не располагаете, т. е. о других районах ничего не знаете?

Рид. Мне известно также об уничтожении мирных граждан в Харькове. Об этом я узнал, когда был проездом в городе Харькове, а затем когда находился при «зондеркоманде» города Харькова.

Прокурор.—Расскажите подробно об этом.

Рид.—31 мая 1943 года я прибыл в Харьков и явился к начальнику «зондеркоманды» города Харькова Хальбиттер, которого я знал еще ранее по Германии. Там я познакомился также с офицерами «зондеркоманды»—заместителем начальника «зондеркоманды» Ирхнер, офицерами Фест, Петере,

доктором Каппе и лейтенантом Якобе. Я могу рассказать о некоторых случаях, которые мне приходилось наблюдать в Харькове. В первую очередь мне приходилось сталкиваться с лейтенантом Якобе, который заявлял мне, что сейчас у них очень много работы с арестованными, содержащимися в Харьковской тюрьме, но что, слава богу, у них имеется специальный метод, который помогает им освобождать тюрьмы от арестованных. Тогда я спросил у него, что это за специальный метод. Якобе ответил, что это — газовый автомобиль. Когда я услыхал термин — «газовый автомобиль», я вспомнил, что мне было известно еще в Германии об этой машине. Я помню об этой машине со времени пребывания под Варшавой, где мне приходилось наблюдать, как при помощи этой машины эвакуировали неблагонадежное население г. Варшавы. Из разговоров с секретарем национал-социалистской организации г. Варшавы Рихтером мне стало известно, что часть населения г. Варшавы эвакуировалась по железной дороге, а другая часть погружалась в «газовую машину» и уничтожалась. На мой вопрос, что это за машина, Рихтер ответил, что это самая обычная грузовая, транспортная машина, но у нее выхлопные газы направляются в кузов, при помощи которых и уничтожаются находящиеся в ней люди. Подобного рода об'яснения о газовой машине я получил также в сентябре 1942 г. в Риге от инженера-строителя Деппе и, кроме того, в мае 1942 г. от чиновника рижского городского управления Майер, рассказавшего, что при помощи газового автомобиля уничтожалось мирное население г. Витебска. Об этих рассказах вышеуказанных лиц я

вспомнил сейчас же, как только мне лейтенант Якобе сообщил, что в Харькове применяли газовый автомобиль. Я попросил лейтенанта Якобе разрешить мне осмотреть эту машину. Лейтенант Якобе дал на это свое согласие, заявив, что как раз для этого есть подходящий момент, так как на следующий день в 6 часов утра будет происходить погрузка в этот «газовый автомобиль», и я могу явиться во двор тюрьмы и посмотреть. На следующий день я явился в условленное время во двор тюрьмы, где находился лейтенант Якобе, поздоровался с ним, после чего он показал мне стоящую во дворе машину. Это была самая обыкновенная военная машина, предназначенная для перевозок, только с герметически закрывающимся кузовом. Лейтенант Якобе открыл дверцы машины и показал мне. Внутри эта машина была обита железными листами, в полу машины имелись отверстия, через которые поступали выхлопные газы из мотора, при помощи которых и отравляли находящихся в ней людей. Вскоре после этого открылись двери тюрьмы, и группами оттуда начали выводить арестованных. Среди них были женщины различных возрастов и старики, которые шли в сопровождении эсэсовцев. Особенно тяжелое впечатление произвел на меня вид этих людей: люди были исхудавшие, с воспаленными глазами, со следами побоев на лице. Те из арестованных, которые не хотели итти, получали побои и пинки. Им дано было приказание направиться к машине и погрузиться в нее. Хочу добавить еще, что количество арестованных составляло примерно 60 человек. Когда началась погрузка в машину, часть арестованных пошла в машину, другая же часть не хотела

входить и оказывала сопротивление, но насильно вталкивалась эсэсовцами пинками и ударами прикладов. Наблюдая это, я спросил лейтенанта Якобе, почему известно этим людям, что их ожидает в «газовой машине». Лейтенант Якобе ответил мне на это, что, собственно, людям не говорили о том, что их ожидает, но так как «газовая машина» нашла уже широкое применение в Харькове, то многим, видимо, известно, что их ожидает в этой машине.

Прокурор.—Сколько раз вы наблюдали подобную погрузку в «газовую машину»?

Риц.—Я наблюдал это только единственный раз, о котором рассказываю.

Прокурор.—Присутствовали вы при массовых расстрелах советских граждан?

Риц.—Да, я принимал в этом участие.

Прокурор.—Расскажите об этом подробно.

Риц.—Ханебиттер мне сказал, что предстоит расстрел примерно 3.000 человек, которые при занятии гор. Харькова советскими войсками приветствовали приход советской власти. Ханебиттер сказал мне, что я имею возможность присутствовать при этом расстреле.

Прокурор.—Вы сами напросились присутствовать при расстреле?

Риц.—Да, я сам просил майора Ханебиттер разрешить мне присутствовать при этой операции.

Прокурор.—Расскажите подробно об этом.

Риц.—2 июня майор Ханебиттер, захватив меня, выехал с рядом офицеров в деревню, расположенную недалеко от г. Харькова -Надворки или Продворки, где должен был происходить расстрел. В пути мы обогнали три автомашины, нагруженные арестованными, в сопровож-

дении эсэсовцев, которые также направлялись туда. Машина, на которой я ехал, обогнала машину с арестованными и прибыла на лесную поляну, где были подготовлены ямы. Эта поляна была оцеплена эсэсовцами. Вскоре после этого появились автомашины с арестованными. Ханебиттер сказал, что в этот день подлежит расстрелу до 300 человек. Арестованные были разделены на небольшие группы, которые поочередно расстреливались эсэсовцами из автоматов. Не хочу умалчивать и о своем участии в этой операции. Майор Ханебиттер сказал мне: «Покажите, на что вы способны», и я, как военный человек, офицер, не отказался от этого, взял у одного из эсэсовцев автомат и дал очередь по арестованным.

Прокурор.—Среди расстреливаемых были женщины и дети?

Рид.—Да, я помню, что была женщина с ребенком. Женщина, пытаясь спасти ребенка, прикрыла его своим телом, но это не помогло, так как пули прошизали ее и ребенка.

Прокурор.—Сколько человек было в этот раз расстреляно в вашем присутствии?

Рид.—Мне майор Ханебиттер сказал, что в этот день должно было быть расстреляно до 300 человек.

Прокурор.—Не видели ли в ямах, в которых хоронили расстреливаемых людей, умерщвленных при помощи газового автомобиля?

Рид.—Да, когда мы, офицеры, потом осмотрели место расстрела, то лейтенант Якобе показал мне одну из ям, где слегка из-под присыпанной земли видны были очертания человеческих трупов. Якобе сказал, что вот, дескать, пасса-

жиры вчерашней поездки на «газовом автомобиле».

Прокурор.—Вы занимались допросами арестованных мирных советских граждан?

Риц.—Да, я принимал участие в допросах советских граждан в городе Таганроге.

Прокурор.—Расскажите, как вы допрашивали советских граждан.

Риц.—Сначала я допрашивал арестованных согласно тем юридическим познаниям, которыми я обладал. Однако вскоре ко мне явился начальник зондеркоманды города Таганрога Эккер, который заявил, что так дальше дело не пойдет, что люди эти толстокожие и к ним надо применять другие меры. И тогда я начал избивать их на допросах.

Прокурор.—Побои были системой допроса советских граждан?

Риц.—Да, можно со всей определенностью сказать, что были системой. В городе Харькове, как я уже раньше показал, я имел возможность присутствовать при допросах и убедился, что все, начиная с начальника и кончая младшим чином зондеркоманды, избивали, причем сильно избивали на допросах. Так что, повторяю, это, безусловно, система.

Прокурор.—Вот вы, Риц, человек с высшим юридическим образованием, очевидно, считающий себя человеком культурным, как вы могли не только наблюдать эти избиения, но и принимать в них активное участие, расстреливать ни в чем не повинных людей, причем расстреливать не только по принуждению, но и по собственной воле?

Риц. — Я должен был выполнять приказ, так как если бы я приказа не выполнил, то меня представили бы к военно-полевому суду и наверняка приговорили бы к смертной казни.

Прокурор.—Это не совсем так, потому что вы сами изъявили желание участвовать при погрузке людей в «газовую машину» и вас туда никто специально не приглашал.

Риц.—Да, верно то, что я сам изъявил желание присутствовать при этом, но прошу учесть, что тогда я еще являлся новичком на Восточном фронте и хотел лично убедиться, действительно ли здесь, на Восточном фронте, применяется такая автомашина, о которой я слышал ранее. Поэтому я и изъявил желание лично присутствовать при погрузке в нее людей.

Прокурор.—Но в расстрелах невинных советских граждан вы ведь принимали непосредственное участие?

Риц.—Я уже показал ранее, что при расстрелах в Подворках майор Хашебиттер сказал: «Покажите, на что вы способны». Не желая оскандалиться, я взял у одного из эсэсовцев автомат и стал расстреливать.

Прокурор.—Следовательно, на этот мерзкий путь, на путь расстрелов ни в чем не повинных людей, вы стали по собственной воле, ибо вас к этому никто не понуждал?

Риц.—Да, я действительно в этом должен признаться.

Прокурор.—Вот вы, Риц, человек, обладающий некоторыми познаниями в области права, скажите, на Восточном фронте нормы международного права немецкой армией в какой-либо степени соблюдались или нет?

Риц.—Я должен сказать, что на Восточном фронте не могло быть и речи ни о международном, ни о каком-либо другом праве.

Прокурор.—Скажите, Риц, по чьему приказу все это происходило, почему эта система совершенного бесправия и зверской расправы с невиновными людьми утвердилась?

Риц.—Это бесправие имело свои глубокие причины, а именно: оно вызвано указаниями Гитлера и его сотрудников, указаниями, которые можно подробно проанализировать.

Прокурор.—Расскажите подробно и конкретно, кто же именно виноват во всем этом?

Риц.—Первым и основным виновником я считаю Гитлера, призывающего, во-первых, к водворению системы жестокости и, во вторых, говорившего о превосходстве германо-арийской расы, которая призвана водворить порядок в Европе. Он также говорил о необходимости уничтожения малоценного русского народа. Далее я хочу указать на Гиммлера. Гиммлер неоднократно говорил, что нечего обращать внимание на параграфы, приговаривающие к смерти, а надо приговаривать согласно своему арийскому чувству. Это германо-арийское чувство в Германии надо было как-то прикрывать, а на Восточном фронте немецкие войска творили неприкрыто. Далее я хочу сказать о Розенберге, на чей счет следует записать пропаганду, восхваляющую превосходство германской расы. Эта пропаганда, которую проводил Розенберг и в отношении русских, как варваров, привела к такому поведению германских солдат. Таким образом, говоря о действительных глубоких причинах этих злодеяний, я счел нужным указать на эти три имени, с кото-

рыми, безусловно, связаны преступления немецких войск.

Председатель.—Подсудимый Риц, расскажите кратко свою биографию.

Риц.—Я родился в 1919 г. в городе Мариен-Вердер (Германия) в семье профессора. С 1925 г. я сначала три года посещал народную школу, а затем девять лет гуманитарный университет, который и окончил, сдав испытания. Затем семь месяцев я отбывал трудовую повинность, после чего поступил в Кенигсбергский университет, где изучал право, а также занимался музыкой. С 1939 года я был призван в германскую армию, но затем был отпущен в отпуск для того, чтобы в марте 1940 года сдать государственный экзамен. До октября 1940 года я числился в рядах армии, но затем был демобилизован в связи с болезнью желудка и занимался в первое время судебной деятельностью при оберпрезидиуме Восточной Пруссии в Кенигсберге. С апреля 1941 года по май 1943 года я работал в качестве юриста в Познани. В конце мая 1943 года по так называемой тотальной мобилизации я был призван в германскую армию и направлен на Восточный фронт.

Председатель.— Какие вы занимали общественные посты, будучи членом союза гитлеровской молодежи?

Риц.—Будучи членом союза гитлеровской молодежи с 1933 года, я вначале занимал небольшие руководящие должности, но затем был в Познани председателем суда чести союза гитлеровской молодежи.

Председатель.—Подсудимый Риц, сколько времени вы находились в Таганроге?

Рид.—Я находился в Таганроге с 5 июня по 1 сентября 1943 года.

Председатель.—Вы со своей ротой производили карательные мероприятия не только в Таганроге, но и в окрестностях Таганрога?

Рид.—Рота производила расстрелы, как я показал ранее, в районе песчаных карьеров, расположенных северо-восточнее города Таганрога. Кроме того, рота осуществляла и другие карательные экспедиции.

Председатель.—Сами вы принимали участие в расстреле в песчаных карьерах?

Рид.—Да, принимал участие в расстрелах, произведенных в песчаных карьерах.

Председатель.—Какое количество людей было расстреляно в песчаных карьерах?

Рид.—Там было расстреляно до 60 человек.

Председатель.—Это за один раз?

Рид.—Да, за один раз.

Председатель.—А всего?

Рид.—В общем за два раза было расстреляно 120 человек, общее количество расстрелянных составляло примерно 2.000—3.000 человек.

Председатель.—Это по Таганрогу?

Рид.—По Таганрогу и его окрестностям.

Председатель.—Назовите должности и фамилии гестаповцев, которые принимали активное участие в расстрелах в Таганроге и его окрестностях.

Рид.—Начальником и лицом, который полностью был ответственным за проведение расстрелов, являлся руководитель зондеркоманды гауптштурмфюрер Эккер, непосредственным участником расстрела был фельдфебель Шульц. Помимо

также капитана Васбергер, лейтенанта Хейнтель и рядовых Майнгор и Речке.

Председатель.—Расскажите—вы лично принимали участие в расстрелах в яме, в окрестностях Таганрога?

Риц.—Как и во многих других случаях, я получил приказ от руководителя зондеркоманды гауптштурмфюрера Эккер выделить команду для расстрела. Взялся за это я сам. Выслав команду, я выехал на место расстрела проверить, насколько точно проводится в жизнь мое указание.

Председатель.—Что вы видели на месте?

Риц.—Когда я прибыл на место, я увидел яму приблизительно размером 50×50 метров, глубиной 4 метра. Там находилась группа лиц, подлежащих расстрелу, примерно 50 человек, и команда под руководством фельдфебеля Туркел. Арестованные были избиты и плохо одеты. Фельдфебель Туркел доложил мне о готовности начать расстрел. Я ответил: начинайте, после чего был открыт огонь. Сразу же после открытия огня в яме образовался клубок окровавленных тел, среди которых были еще недобитые люди. Тогда я предложил спуститься в яму двум рядовым и прикончить тех, кто остался в живых. Вслед за этими двумя эсэсовцами сошел в яму и я. Двух людей, которые, будучи ранеными, еще были живы, я пристрелил из пистолета. После того, как операция была закончена, я приказал двум рядовым остаться на месте в качестве охраны, а остальной части команды вернуться в Таганрог, куда отправился и сам для того, чтобы рапортовать Эккеру о выполнении задания.

Председатель.—Были ли там женщины и дети?

Риц.—Детей при этом я не видел, но что там были женщины—это я могу совершенно точно сказать.

Председатель.—В каких городах применялись газовые машины?

Риц.—Мне известно о применении «газовых автомобилей» в Харькове, о чем я уже подробно рассказывал. Дальше из разговоров с Эккером и офицерами зондеркоманды СД мне известно, что последнему рассказывал бывший заместитель начальника СД по Краснодару Раббе, что и там применялись «газовые машины».

Председатель.—Кого уничтожали в Краснодаре в «газовых машинах»?

Риц.—Мне известно, что в Краснодаре уничтожалось гражданское население. Кроме того, при помощи «газового автомобиля» были уничтожены больные, находившиеся в больнице.

Председатель.—То есть уничтожали женщин, детей и больных.

Риц.—Это правильно.

Председатель.—Сколько человек было уничтожено в Краснодаре?

Риц.—Там было уничтожено несколько тысяч.

Председатель.—Вы показали, что уничтожение населения путем «газовой машины» происходило в Варшаве и Риге. Кто руководил в Варшаве и Риге уничтожением людей путем применения «газовых машин»?

Риц.—Это происходило в указанных городах также под руководством гестапо.

Председатель.—А кто конкретно руководил?

Риц.—Это мне неизвестно.

Председатель.—От кого вам стало известно, что «газовая машина» применялась в Варшаве?

Риц.—Об этом мне рассказывал, как я показал уже выше, некий Рихтер, бывший руководящий работник окружного руководства национал-социалистской партии.

Председатель.—А о гор. Риге откуда вам стало известно?

Риц.—Об этом мне известно от инженера-строителя Делле и от некоего майора, бывшего чиновника рижского городского управления.

Председатель.—Есть ли у защиты вопросы к подсудимому?

Коммодов.—Скажите, остались ли вы верны идее национал-социалистской партии в настоящее время?

Риц.—Я не могу сказать, что я остался верен взглядам национал-социалистской партии, так как за время нахождения на Восточном фронте я имел возможность шаг за шагом убедиться в ложности тезисов национал-социалистской партии.

Коммодов.—Понимаете ли вы теперь, что германское правительство и национал-социалистская партия обманывают немецкий народ?

Риц.—Слово «обман» будет самым подходящим для этого определением.

Коммодов.—Разделил ли ваш отец профессор воззрения национал-социалистской партии?

Риц.—Мой отец, который до прихода Гитлера к власти был членом либеральной партии, в связи с тем, что он хотел сохранить свою должность, вступил в национал-социалистскую партию, стал ее членом. Однако я не могу сказать, что он полностью разделял взгляды национал-социалистской партии.

На этом допрос подсудимого Рица заканчивается.

ХАРЬКОВ, 17 декабря. (ТАСС). По окончании допроса подсудимого **Рица**, после пятнадцатиминутного перерыва, утреннее заседание 16 декабря продолжается.

Допрашивается подсудимый **Рецлав.**

Прокурор.—Скажите, подсудимый Рецлав, из какой семьи вы происходите, какое имеете образование?

Рецлав. — Мой отец был служащим больничной страховой кассы. Я имею среднее образование.

Прокурор. — Чем вы занимались до войны?

Рецлав. — Я был заместителем начальника отдела по рассылке газет в редакции франкфуртской газеты.

Прокурор. — С какого времени вы служите в германской армии?

Рецлав. — С мая 1940 года.

Прокурор.—В качестве кого вы служили в германской армии?

Рецлав. — В начале мая 1940 года я получил подготовку в качестве радиста в артиллерийской части. Затем, совершив поход во Францию, я был переведен в охранный батальон, дислоцировавшийся вначале во Франции, а затем в Померании.

Прокурор. — Что это за охранный батальон?

Рецлав. — Этот батальон занимался охраной пленных, причем тогда мы охраняли французов и бельгийцев.

Прокурор.—Как вы попали в этот батальон?

Рецлав. — Я был назначен в этот батальон, так как находился в том возрасте, который после французского похода уже не призывался в действующую армию.

Прокурор. — Этот батальон был подчинен германской тайной полиции?

Рецлав. — Нет, он скорее являлся ополченским. В мае 1941 года из этого батальона я был переведен в батальон особого назначения «Альтенбург».

Прокурор. — Расскажите подробно, что из себя представляет батальон «Альтенбург».

Рецлав. — Батальон «Альтенбург» является школой, где проходили подготовку чиновники германской тайной полевой полиции.

Прокурор. - Как вы попали в этот батальон?

Рецлав.—Я был направлен командованием.

Прокурор. — Сколько в этом батальоне было человек?

Рецлав.—Количество личного состава батальона колебалось, но в то время, когда я обучался, там находилось около 200 человек.

Прокурор.—Кого готовил этот батальон?

Рецлав.—В этом батальоне подготовлялись чиновники германской тайной полевой полиции. Это была единственная в Германии школа, где они проходили подготовку. Обучение охватывало военную подготовку и специальную подготовку по линии службы тайной полевой полиции.

Прокурор.—Какие дисциплины изучались в батальоне «Альтенбург»?

Рецлав. -В этом батальоне велось преподавание в основном по следующим предметам: уголовное право, практика допросов, арестов, обысков, агентурная работа среди гражданского на-

селения. Кроме того, нам читали специальные лекции.

Прокурор.—Какие именно?

Рецлав.—Руководящие чиновники гестапо нам читали специальные доклады, в которых освещалась роль германского народа как носителя высшей германской расы и его задачи по установлению «нового порядка» в Европе и связанных с этим мероприятий.

Прокурор.—Что же это за мероприятия?

Рецлав.—Нам говорили, что советский народ, как низшая раса, должен быть уничтожен.

Прокурор.—Следовательно, в батальоне вас обучали методам уничтожения советских людей?

Рецлав.—Да.

Прокурор.—Эта установка исходила от германского правительства?

Рецлав.—Да, эти установки германское правительство годами посредством печати, кино и радио внедряло в умы немцев.

Прокурор.—Следовательно, из вас готовили не чиновников, а палачей в этом батальоне?

Рецлав.—Да, как я позднее убедился на практике, так можно сказать.

Прокурор.—И в своей практической работе вы выполняли палаческие установки, которые получили в батальоне «Альтенбург»?

Рецлав.—Да, я так же, как и другие чиновники тайной полевой полиции, выполнял эти указания.

Прокурор.—То есть вы принимали непосредственное участие в истреблении советских людей?

Рецлав.—Я должен признать, что по приказу своих непосредственных начальников я принимал

личное участие в истреблении советских граждан.

Прокурор.—Расскажите, как вы истребляли советских граждан?

Рецлав.—Когда я был в г. Житомире, где располагалась 56) группа «ГФП» (тайная полевая полиция), то убедился, что те методы, которые нам преподавали, в практической работе применяются.

Прокурор.—Говорите конкретнее.

Рецлав.—Как правило, все лица, которые задерживались военными властями и передавались для следствия в «ГФП», подвергались сначала избиению. Если арестованный давал нужные нам показания, то избиения прекращались, а в отношении тех, которые показаний не давали, избиения продолжались и дальше, так что нередко бывали случаи смертельного исхода...

Прокурор.—Значит если человек не признавался, его убивали, а если признавался—его расстреливали. Правильно это?

Рецлав.—Да, так было в большинстве случаев.

Прокурор.—Были ли случаи, когда фабриковались дела, фальсифицировались показания?

Рецлав.—Да, все это имело место и довольно часто, можно сказать, что это было в порядке вещей.

Прокурор.—Кроме расстрелов и виселиц, еще к каким способам уничтожения советских людей прибегала тайная полевая полиция?

Рецлав.—Кроме этого, насколько я знаю, применялась «газовая машина».

Прокурор.—Что из себя представляет «газовая машина»?

Рецлав.—Когда я в марте 1942 года зашел во двор Харьковской тюрьмы, я увидел там большую закрытую автомашину, окрашенную в темносерый цвет.

Прокурор.—Один раз видели эту машину или несколько раз?

Рецлав.—После этого я часто видел указанную машину.

Прокурор.—Расскажите все, что вам известно о применении «газовой машины».

Рецлав.—В марте 1942 года я увидел во дворе Харьковской тюрьмы стоявшую автомашину. Я спросил знакомого мне солдата харьковской команды СД Каминского, для чего применяется эта машина, так как мне было известно, что до сих пор для расстрел взяли в машине открытого типа. На это Каминский ответил, что эта машина является новым методом истребления русских, сокращающим много времени. Далее Каминский об'яснил, что отработанные газы, поступающие из мотора в кузов автомашины, через некоторое время отравляют находящихся в машине людей. Я сам в середине и в последних числах мая получил от комиссара полиции Кархан указание передать 20 человек, арестованных по подозрению в антинемецкой деятельности, в распоряжение службы безопасности СД. Вместе со мной были фельдфебель Фольман и унтерофицеры Тецман и Герлиц. По приходе в канцелярию тюрьмы я увидел там штурмфюрера СД Фрезе. Я доложил ему о цели своего прихода, на что Фрезе сказал, что как раз сегодня тюрьма подлежит очистке, и предложил мне принять в этом участие. Вскоре в тюремную канцелярию явился штурмбанфюрер доктор Ханебиттер,

предложивший всем сотрудникам выйти во двор. Когда мы вышли во двор, то к двери тюрьмы подъехала «газовая машина». Доктор Ханебиттер приказал нам забрать из камер арестованных. У меня был на руках список с именами 20 заключенных. Я их вызвал из различных камер, после чего им было приказано построиться в коридоре. Затем некоторым из них было об'явлено, что они переводятся в другую тюрьму, а другим было сказано, что их переводят в лагерь. После этого арестованные были выведены во двор тюрьмы, где перед выходом уже стоял «газовый автомобиль». Там сотрудники СД произвели погрузку арестованных в машину, и мы присоединили к ним приведенную нами партию. Правда, назначение «газового автомобиля» держалось в строгой тайне, но тем не менее, некоторым, очевидно, было известно о нем. Некоторые арестованные сопротивлялись при посадке в «газовый автомобиль», и при этом их ударами дубинок, прикладов и рукоятками пистолетов загоняли туда. Среди этих арестованных находились старики, женщины и даже дети. Как раз в тот день разыгралась дикая сцена. Женщины плакали, некоторые бросались на колени, умоляя сохранить им жизнь. Припоминаю случай, когда у одной женщины был вырван из рук ребенок и она забилась в рыданиях, бросилась на стоящего офицера СД и расцарапала ему лицо. Этот офицер СД немедленно вынул пистолет и пристрелил женщину. Труп ее был брошен солдатами СД в автомобиль.

Прокурор.—Сколько всего было уничтожено советских людей при помощи «газового автомобиля»?

Рецлав.—Со слов сотрудника СД Камиского мне известно, что в марте месяце было уничтожено всего 5.000 человек. Если учесть эту цифру и то, что «газовый автомобиль» совершал ежедневно свои смертные рейсы, то можно считать, что общее количество умерщвленных в городе Харькове, примерно, 30.000 человек.

Прокурор.—Сколько советских людей уничтожено при помощи «газового автомобиля» и при вашем непосредственном участии?

Рецлав.—Я лично два раза принимал участие в погрузке людей в «газовый автомобиль», в марте и июле 1942 года. Каждый раз я погружал до 20 человек.

Прокурор.—Как хоронились умерщвленные в «газовом автомобиле» люди?

Рецлав.—Трупы умерщвленных хоронились во рву, южнее Харькова, или сжигались.

Прокурор. — Почему сжигались?

Рецлав.—В конце марта 1942 года я получил приказ сопровождать «газовый автомобиль» и поехал в район бараков Харьковского тракторного завода. Когда мы туда прибыли, Ханебиттер приказал все автомашины, за исключением «газового автомобиля» и автомашин с сотрудниками СД, отвести в сторону. «Газовый автомобиль» остановился возле окрашенного в серый цвет барака. Сотрудники СД выпрыгнули из автомашин, на которой они приехали, и стали выгружать трупы умерщвленных людей из «газового автомобиля» в этот барак. Когда я сам вошел в барак, то увидел, что боковые помещения справа и слева от коридора барака были уже завалены трупами, отвезенными ранее.

Прокурор.—Сколько трупов, примерно, было в бараке вместе с привезенными?

Рецлав.—Количество их составляло, примерно, 300—350 трупов.

Прокурор.—Продолжайте показания.

Рецлав.—Когда привезенные нами трупы умерщвленных людей были сложены в коридоре барака, то солдаты СД вошли в барак и облили бензином трупы. Также были облиты бензином наружные стены барака, затем солдаты СД бросили зажженный факел внутрь барачного помещения и подожгли его. Я видел еще 6 подобных бараков, сожженных таким же способом.

Далее подсудимый Рецлав показывает, что он видел эти сожженные бараки и знает, что и в них были также сожжены трупы людей умерщвленных в «газовом автомобиле».

Прокурор.—С какой целью умерщвленные в «газовой машине» сжигались в бараках?

Рецлав.—Это было вызвано тем, что существование «газовой машины» должно было храниться в строгой тайне, поэтому и следы ее работы — трупы—должны были быть сожжены.

Прокурор. — У меня вопросов к подсудимому больше не имеется.

Председатель.—Подсудимый Рецлав, в каких оккупированных советских городах вы работали?

Рецлав.—Я был в июне 1942 года в городе Житомире, работал в 560-й группе тайной полевой полиции. 560-я группа [illegible] была придана к [illegible] армии и вместе с этой армией я был в городах [illegible], Переяслав, Лубны, Полтава.

Председатель.—Были ли вы в Житомире?

Рецлав.—В Житомире я был со второй половины июня до сентября месяца.

Председатель.—Во всех этих городах вы тоже занимались уничтожением советских людей?

Рецлав. — Да, во всех этих городах группа «ГФП»—тайной полевой полиции—проводила аналогичную деятельность.

Председатель.—Сколько было уничтожено советских людей в тех городах, в которых вам приходилось бывать?

Рецлав.—Только тайной полевой полицией в городе Житомире было уничтожено, примерно 5—8 тысяч человек. Точную цифру я затрудняюсь назвать.

Председатель.—На предварительном следствии вы называли количество истребленных советских людей также в Переяславе и Лубнах?

Рецлав.—Да, называл, но в этих городах уничтожением советских граждан занимались органы СД. Мне известны следующие данные: в Киеве было уничтожено 35.000 советских граждан, в Лубнах—4.000, в Переяславе—2.000. В отношении Полтавы я сведениями не располагаю.

Председатель.—В уничтожении какого количества советских граждан вы принимали непосредственное участие?

Рецлав.—При моем участии в «газовую машину» было погружено не более 40 человек. Кроме того, по приказанию комиссара полиции Мерин, находясь в городе Житомире, я принимал участие в массовых расстрелах.

Председатель.—Кто еще занимался массовыми расстрелами?

Рецлав.—Все рабочие 3-ей группы тайной полевой полиции.

Председатель.—Подсудимый Рецлав, расскажите, как вы фальсифицировали дела о рабочих, которых допрашивали?

Рецлав.—В апреле 1942 г. я получил приказание начальника тайной полевой полиции города Харькова комиссара полиции Кархан допросить двух арестованных. Кархан предупредил меня, что необходимо изобличить арестованных в партизанской деятельности и добиться от них показаний об их соучастниках. На допросе я установил, что оба арестованных были рабочими Харьковского паровозного завода. У меня создалось мнение, что эти лица невиновны, и я доложил об этом комиссару полиции Кархан. Кархан спросил меня: не применял ли я побои. Я ответил отрицательно. Тогда Кархан приказал мне избить арестованных. Я выполнил приказание Кархана, но это не дало желаемых результатов.

Председатель.—Расскажите подробно, как вы выполнили приказание Кархана?

Рецлав.—Я одолжил у фельдфебеля Тихнер принадлежащую ему резиновую дубинку, которой он обычно пользовался на допросах, и бил ею арестованных.

Председатель.—Добились ли вы этим чего-нибудь?

Рецлав.—Ничего я таким путем не добился и об этом доложил комиссару полиции Мелисс, который направился в кабинет, где я допрашивал. Мелисс сказал мне, что при допросах надо быть более изобретательными. Указывая на арестованных, он сказал: посмотрите, вот у

этого арестованного чудесная борода. Выдерните из нее волосы, а другого поколите иголкой. Я выполнил и это приказание, но никаких результатов не добился.

Председатель.—Выдернули человеку всю бороду и не добились никаких результатов?

Рецлав.—Это не совсем так, я выдернул волосы из бороды одного арестованного, а другого я немного поколол иголкой. (В зале движение).

Председатель.—Скажите, что стало с рабочими, которых вы допрашивали?

Рецлав.—Мне так и не удалось добиться от них нужных показаний. Тогда комиссар полиции Кархан приказал мне через паспортное бюро города Харькова достать список рабочих тракторного завода и выписать из него 15 фамилий. Я выполнил это приказание Кархана и на следующий день передал ему список на 15 рабочих. Мне известно, что двое арестованных, которых я допрашивал, были удушены «газовым автомобилем», а 15 рабочих, фигурировавших в моем списке, были расстреляны.

Председатель.—На этих 15 рабочих вы давали какое-либо заключение?

Рецлав.—Нет, вообще в тайной полевой полиции не заводилось никаких дел и не писалось никаких заключений. Я просто составил список и передал его комиссару полиции. И по списку они были расстреляны.

Председатель.—Как часто вы пользовались таким методом следствия?

Рецлав.—Подобный метод был применен мною два раза: один раз в апреле—по приказанию комиссара полиции Кархан, а другой раз позднее

по приказу комиссара полиции Вульф. Здесь дело касалось рабочих электростанции.

Председатель.—Кто командовал батальоном, в котором вы обучались?

Рецлав.—Батальоном командовал Кроне.

Председатель.—Кто читал вам лекции об истреблении советских людей?

Рецлав.—По знакам различия это были руководящие сотрудники германской тайной полевой полиции. Но так как на курсах они не постоянно преподавали, а делали лишь доклады, я их фамилии не знаю.

Председатель.—Не помните ли фамилии двух рабочих Харьковского тракторного завода, которые были умерщвлены в «газовой машине», и тех 15 рабочих, которые были расстреляны?

Рецлав.—Нет, не помню. За время моей работы мне пришлось возиться с таким большим числом арестованных и пленных, что запомнить все эти русские фамилии я не в состоянии.

Председатель.—Часто ли приходилось вам быть при погрузке советских людей в «газовую машину»?

Рецлав.—Лично я только два раза принимал участие в погрузке людей в «газовый автомобиль», но видеть мне «газовый автомобиль» приходилось часто, так как я ежедневно совершал обход Харьковской тюрьмы.

Председатель.—Расскажите, подсудимый, как происходила посадка людей в машину, особенно женщин и детей.

Рецлав.—Вообще погрузка в «газовый автомобиль» происходила сравнительно спокойно, так как в большинстве случаев люди не знали цели и назначения этой машины, но бывало, что

один или несколько человек стариков, женщин и детей доставляли нам затруднения. В таких случаях сотрудникам СД приходилось подгонять их ударами прикладов и палок.

Председатель.—Признаете ли вы, что систематически занимались истреблением советских людей?

Рецлав.—Да, признаю, хотя я и делал это все по приказу моего непосредственного командования.

Председатель.—От кого же исходили указания по истреблению советских людей?

Рецлав.—Я получал приказы от своих начальников. Хочу также добавить, что германский народ годами воспитывался национал-социалистскими руководителями в духе проведения подобной политики.

Председатель. (Обращаясь к защите).—Имеются ли у защиты вопросы к подсудимому?

Казначеев.—Подсудимый Рецлав, вы рассказали здесь о ряде зверств, и я буду вас просить уточнить, в какой мере вы лично считаете себя ответственным за совершенные злодеяния?

Рецлав.—Господин Казначеев, я признаю себя виновным во всех преступлениях, которые совершил по приказу моего непосредственного командования.

Казначеев.—Чем было обусловлено то, что, имея специальность радиста, вы были направлены в батальон по охране военнопленных, а затем в батальон «Альтенбург»?

Рецлав.—Когда я кончил свое обучение в качестве радиста, окончилась война с Францией, и поэтому меня не использовали в качестве радиста, а направили в батальон по охране военно-

пленных. Далее, в связи с тем, что я являлся непригодным к действительной военной службе, а также в связи с тем, что по роду своей работы, как канцелярский служащий, я имел достаточную подготовку, меня направили в батальон «Альтенбург».

Казначеев.—Меня интересует вопрос о том, кто производил отбор в батальон «Альтенбург» и как он производился.

Рецлав.—В батальон «Альтенбург» меня отобрал бывший начальник батальона по охране военнопленных.

Казначеев.—Сколько времени вы пробыли в батальоне «Альтенбург»?

Рецлав.—Курс, который проходили находившиеся в батальоне «Альтенбург», длился шесть недель.

Казначеев.—Все ли лица, находившиеся в батальоне «Альтенбург», направлялись в дальнейшем на службу в тайную полевую полицию?

Рецлав.—Нет, не все. По окончании курса всем было предложено написать подробно свою биографию, после чего часть курсантов была отправлена обратно по месту своей прежней службы.

Казначеев.—Вы сразу были направлены на службу и сразу стали чиновником полиции?

Рецлав.—Да, это было именно так. Я был направлен чиновником полиции. То же самое было и с большинством других, за исключением лишь небольшого числа, которые показали себя неспособными.

Казначеев.—Чиновником полиции вы прослужили около года?

Рецлав.—Да.

Казначеев.—Больше вопросов к подсудимому Рецлаву не имею.

Председатель.—На очереди допрос подсудимого Буланова. Прокурор имеет вопросы?

Прокурор.—Да. Подсудимый Буланов, сколько времени вы прослужили в гестапо и «зондеркоманде»?

Буланов.—В гестапо я прослужил с октября 1941 г. по февраль месяц 1943 г.

Прокурор.—В каких городах протекала карательная деятельность «зондеркоманды»?

Буланов.—Как мне известно, карательная деятельность нашей команды протекала в городе Харькове, станице Нижне-Чирской.

Далее подсудимый Буланов подробно излагает факты зверской расправы с гражданским населением, которая проводилась «зондеркомандой» в Харькове, станице Нижне-Чирской и других районах. Работая в качестве шофера «зондеркоманды», Буланов неоднократно присутствовал при расстрелах мирных советских граждан.

Прокурор.—Вы лично принимали участие в расстрелах советских людей, когда и где это происходило?

Буланов.—Да, работая шофером гестапо, мне приходилось часто ездить на расстрелы, а также на аресты советских граждан в городе Харькове, в станице Нижне-Чирская и в других районах.

Прокурор.—Вот, расскажите об этом подробно.

Буланов.—В начале декабря месяца 1941 года в Харькове по приказанию шефа гестапо было расстреляно около 900 человек, находившихся на излечении в Харьковской больнице.

Прокурор.—Какое вы участие принимали в этом деле?

Буланов.—Мне было предложено подать трехтонную машину в распоряжение Харьковской больницы. Когда я прибыл в Харьковскую больницу, туда прибыли также, кроме моей машины, еще 9 грузовых трехтонных автомобилей.

Прокурор.—Сколько рейсов сделали?

Буланов.—Мне пришлось сделать четыре рейса, за которые я доставил к месту расстрела, примерно, около 150 человек.

Прокурор.—Видели ли вы, как расстреливали немцы?

Буланов.—Да.

Прокурор.—Расскажите, как это происходило?

Буланов.—Когда я прибыл в больницу, то мне было сказано, чтобы я подал машину к одному из больничных корпусов. В этот момент гестаповцы стали выводить больных в одном белье и погружать их в машины. После погрузки, в сопровождении немцев, я повел машину к месту расстрела. Это место находилось, примерно, в четырех километрах от города. Когда я прибыл к месту расстрела, там уже стояли крики и плач расстреливаемых больных. Немцы расстреливали их на глазах у остальных больных. Люди молили о пощаде, падали в холодную грязь голыми, но немцы сбивали их в ямы, после чего производили расстрел.

Прокурор.—Расскажите, что вам известно о расстреле детей в Нижне-Чирской детской больнице?

Буланов.—Летом, когда команда СД была разбита по отделениям и выехала в разные города, районы и местечки, то мне пришлось с отделением команды СД поехать в станицу Нижне-Чирская. Числа 25—26 августа 1942 года мне и

шоферу Блохину было предложено приготовить машины. Когда машины были готовы, нам приказали вести их в Нижне-Чирскую детскую больницу. Когда мы приехали туда, то гестаповцы стали выводить детей из больницы и погружать в машины. Дети были оборванные, распухшие от голода. Многие дети сопротивлялись и не хотели погружаться в машину, но гестаповцы стали их уверять, что они поедут к дядям и тетям в город Сталинград. Некоторые дети, поддавшись уговорам, сели в машину, некоторые же сопротивлялись до конца, после чего гестаповцы насильно погрузили и их в машину, мне было приказано застегнуть сзади машины брезент. Когда я выполнил это приказание, то в сопровождении немцев поехал на станцию Чирская, где за мостом, в 3—4 километрах от станицы Нижне-Чирская, была заранее приготовлена яма. Под'ехав к яме, я, по приказанию шефа отделения, а также и другие гестаповцы стали водить детей к яме, около которой стоял гестаповец, немец Аликс, фамилии точно не знаю. В упор из автомата в голову он расстреливал детей, после чего сталкивал их в яму. Дети, видя происходившее, вырывались и кричали: «Дядя, я боюсь», «Дядя, я хочу жить, не стреляйте в меня» и т. д., но на это немцы не обращали внимания.

Прокурор.—В каком же возрасте были дети?

Буланов.—Дети были в возрасте от 6 до 12 лет.

Прокурор.—Вы, Буланов, видели «газовую машину», в которой люди умерщвлялись окисью углерода?

Буланов.—В январе 1942 года к нам в гараж из Германии прибыла такая автомашина. Немцы эту машину называли «газенваген».

Прокурор.—А ремонтировать вам ее приходилось?

Буланов.—Приходилось мне также ее ремонтировать и производить чистку. При производстве чистки машины я видел внутри кузова, когда выметал, детские шапочки, башмачки, очевидно, снявшие с умерщвленных детей.

Прокурор.—Расскажите подробно, что из себя представляла эта машина, устройство ее, как она выглядит, как умерщвлялись люди в этой машине?

Буланов.—Эта машина представляет из себя двухосный огромных размеров автомобиль тоннажем примерно 5 — 7 тонн. Окрашена она в серую краску. На ней поставлен шестицилиндровый мотор. Кузов этой машины имеет двухстворчатую дверь, герметически закрывающуюся. Герметичность достигалась, очевидно, при помощи каучуковой прокладки, которая была на дверцах.

Прокурор.—Это прокладка дверей?

Буланов.—Да, прокладка дверей. Внутри кузов обит оцинкованным железом, внизу кузова находится деревянная решетка.

Прокурор.—То есть эта решетка представляет из себя пол?

Буланов.—Да, как бы пол, на который становятся ногами арестованные. Внизу машины находится выхлопная труба мотора, от которой через специальный шланг в кузов проходит отработанный газ. Когда люди погружаются в автомобиль, он закрывается, включается мотор и идет до

места выгрузки. В этот период люды умерщеляются.

Прокурор.—Вы много раз наблюдали, как грузили людей в «газовую машину»?

Буланов.—Мне приходилось наблюдать погрузку несколько раз, а выгрузку приходилось наблюдать 20 с лишним раз.

Прокурор.—Кто из немцев обслуживал эту машину?

Буланов.—Шофером на этой машине был немец лет 35—36, вид у него был болезненный. Фамилии его я не знаю.

Прокурор. — А по чьему приказанию эта машина использовалась, знаете?

Буланов.—По приказанию шефа гестапо.

Прокурор.—Как фамилия?

Буланов.—Фамилии шефа я хорошо не помню, как будто Хаппебиттер.

Прокурор.—Какое участие вы принимали в погрузке в эту машину?

Буланов.—Мое участие выражалось в том, что я возил полицейских на место выгрузки.

Прокурор.—Сколько раз?

Буланов.—Мне приходилось возить больше 20 раз за период с января по июнь 1942 года.

Прокурор.—Сколько же, таким образом, на ваших глазах, при вашем участии было умерщвлено людей этой машиной?

Буланов.—Когда я привозил полицейских на место выгрузки, мы выгружали трупы в бараки Харьковского тракторного завода, после чего гестаповцы зажигали эти бараки. Когда мы вновь приезжали на место, то бараки были уже сожжены. Таким образом, мне приходилось сваливать трупы в два барака. Но до этого там

были уже трупы. Точно определить я не могу, но приблизительно на моих глазах было сожжено до 600 трупов, а то и больше.

Прокурор.—Бараки эти сжигались на ваших глазах?

Буланов.—Я видел только, как их обливали какой-то жидкостью, но когда зажигали бараки, мне не приходилось видеть.

Прокурор.—Приходилось видеть вам, как грузили в эти «душегубки» детей, грудных младенцев?

Буланов.—Неоднократно. Два или три раза приходилось видеть, как гестаповцы погружают женщин с детьми в «душегубки».

Прокурор.—Какое же вознаграждение от немцев вы получили за свою предательскую деятельность?

Буланов.—От немцев я получал содержание 90 марок, или 900 рублей, также паек, солдатский. Кроме того, вещи от расстрелянных советских граждан, которые оставались, когда немцы отбирали себе лучшие, а прочее давали нам. (В зале шум).

Прокурор. Что же, лучшие вещи немцы отправляли в Германию?

Буланов.—Хорошие вещи немцы отправляли в Германию.

Прокурор.—У меня вопросов нет.

Председатель. — Объявляется перерыв до 18 часов.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ СУДА 16 ДЕКАБРЯ

Председатель.— Судебное заседание Военного трибунала продолжается. Подсудимый Буланов, вам приходилось ремонтировать «душегубку»?

Буланов.—Да, мне приходилось ремонтировать «душегубку».

Председатель.—Вы показывали, что принимали участие в расстреле 60 детей?

Буланов.—Да, я рассказывал об этом.

Председатель. Вы этих детей привозили к месту расстрела?

Буланов.—Да.

Председатель.—Из машины детей выводили вы?

Буланов.—Да, я, а также и другие гестаповцы.

Председатель.—Вы показывали, что за свою работу получали деньги и вещи расстрелянных. Какие вещи вы получили за свою работу?

Буланов.—Получил пальто для жены и себя, а также получил два костюма и обувь.

Председатель.—Подсудимый Буланов, из ваших показаний следует, что вы изменили Родине, продались немцам за 90 марок, принимали активное участие в систематических расстрелах и уничтожении ни в чем не повинных советских людей. Признаете вы себя виновным в этом?

Буланов.—Да, признаю.

Председатель.—У защиты имеются вопросы к подсудимому?

Защитник Белов.—В процессе следствия вы рассказывали все честно и искренно, как здесь на суде?

Буланов.—Нет, когда меня арестовали, я, боясь, что в прифронтовой полосе со мной могут поступить жестоко, скрыл свою работу в гестапо, когда же меня перевели в тагерь, я решил рассказать всю правду.

Белов.—Скажите, подсудимый Буланов, [illegible] вам, успела ли эвакуироваться «зондер-команда», в которой вы служили?

Буланов.—«Зондеркоманда», в которой я служил, успела эвакуироваться.

Белов.—У меня больше нет вопросов.

Председатель. У подсудимых есть вопросы к Буланову?

Подсудимые через переводчика Иванову, переводившую им весь допрос Буланова, ответили, что вопросов не имеют.

На этом допрос обвиняемых заканчивается. Председательствующий генерал-майор юстиции т. Мясников объявляет, что суд переходит к допросу свидетелей.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 16 ДЕКАБРЯ

ХАРЬКОВ, 16 декабря. (ГАСС). После допроса подсудимых суд переходит к допросу свидетелей.

Первым допрашивается свидетель Хейниш. Допрос его ведется через переводчика Колыжова.

Председатель.—Ваш год рождения?

Хейниш.—Я родился 8 ноября 1991 года в городе Нойштадт.

Председатель.—Из какой семьи происходите?

Хейниш.—Из семьи торговца.

Председатель. Ваш военный чин?

Хейниш.—Я имею чин оберштурмбанфюрера. В прошлом являлся заместителем начальника штаба Гесса, а в последнее время был окружным комиссаром в гор. Мелитополе. Мой чин соответствует чину генерал-майора.

Председатель предупреждает свидетеля Хейниш, что он должен давать Военному Трибуналу правдивые показания. За дачу ложных показаний он будет отвечать по закону.

Председатель. — Свидетель Хейниш, к вам имеет вопросы военный прокурор.

Прокурор.—Скажите, свидетель, вы член национал-социалистской партии?

Хейниш.—Да.

Прокурор.—С какого года?

Хейниш.—С 1923 года.

Прокурор.—Вы занимались активной партийной работой?

Хейниш.—Да.

Прокурор. — Какую партийную работу вы выполняли?

Хейниш.—Я был организатором и руководителем отряда СД в городах Бремен, Франкфурт на Майне и политическим руководителем штаба Гесса до 1941 года.

Прокурор.—Какие вы имеете награды?

Хейниш.—Я имею следующие награды: бронзовую, серебряную и золотую медали национал-социалистской партии и почетный знак национал-социалистской партии, как член партии с 1923 года.

Прокурор.—Что вы делали и чем занимались, будучи в Мелитополе комиссаром?

Хейниш.—В мою задачу входило руководство управлением хозяйства и эксплоатацией вверенной мне области. Я должен был выкачивать сельскохозяйственные продукты для обеспечения армии и германского тыла.

Прокурор.—Что же, жители охотно сдавали вам продукты?

Хейниш.—Население неохотно сдавало продукты, саботировало сдачу их, а часть населения вообще не была в состоянии сдавать требуемую норму сельскохозяйственных продуктов.

Прокурор.—Что же вы делали с людьми, которые не сдавали продукты?

Хейниш.—Те лица, которые сопротивлялись и не сдавали нужные продукты, были арестованы гестапо и СД и ликвидированы.

Прокурор.—Что значит ликвидированы?

Хейниш.—Ликвидировать—значит уничтожить, расстрелять.

Прокурор.—Следовательно, вы занимались грабежом, а гестапо—убийствами.

Хейниш.—Так точно.

Прокурор.—Сколько людей было уничтожено в вашу бытность в Мелитополе?

Хейниш.—За время с 1 сентября 1942 года по 14 сентября 1943 года в Мелитопольской области было уничтожено 3—4 тысячи человек.

Прокурор.—Известно ли вам, что в Мелитополе после изгнания немцев было обнаружено 14.000 трупов? Не преуменьшаете ли вы цифру?

Хейниш.—Это расхождение об'ясняется тем, что еще в 1941—42 гг. при оккупации Мелитополя органы гестапо и СД уничтожили многих советских граждан.

Прокурор.—Сколько таких больших операций было проведено в вашу бытность в Мелитополе?

Хейниш.—За время моей работы в Мелитополе было примерно 3—4 массовых операции, в частности, в декабре 1942 года было арестовано 1.200 человек сразу.

Прокурор.—Это что, в ночь под Рождество?

Хейниш.—Да.

Прокурор.—За что же были арестованы эти люди?

Хейниш.—За саботаж и антигерманские настроения.

Прокурор.—А что же сделали с этими людьми потом?

Хейниш.—Они были направлены в Симферопольский лагерь и там расстреляны или уничтожены при помощи «газового автомобиля».

Прокурор.—Там был лагерь для военнопленных?

Хейниш.—В России не организовывались концентрационные лагери, а использовались для этой цели лагери для военнопленных.

Прокурор.—Следовательно, гражданское население заключалось в лагери для военнопленных?

Хейниш.—Да.

Прокурор.—Расскажите все, что вам известно о «газовом автомобиле».

Хейниш.—«Газовий автомобиль» представляет собой тип тюремного автомобиля с герметически закрывающейся двухстворчатой дверью, в котором выхлопные газы из мотора поступают по специальной трубке в кузов и таким образом все находящиеся в этом автомобиле люди удушаются.

Прокурор.—Вы давно знаете о существовании этого «газового автомобиля»?

Хейниш.—Я о существовании «газового автомобиля» узнал во время совещания окружных комиссаров, на котором присутствовал генерал-лейтенант полиции фон-Альвенслебен.

Прокурор.—Расскажите о совещании и о том, что вы узнали тогда о «газовом автомобиле».

Хейниш. — Генерал-лейтенант полиции фон-Альвенслебен заявил на совещании, что в руки русских попали материалы о «газовом автомобиле». По заявлению генерал-лейтенанта полиции фон-Альвенслебен, фюрер, то есть Гитлер, распорядился о том, чтобы болтовня по поводу «газового автомобиля» прекратилась, иначе виновники будут преданы специальному суду СС.

Прокурор.—Вы лично видели когда-нибудь «газовый автомобиль»?

Хейниш.—Да, «газовый автомобиль» я видел в городе Ровно, правда, не во время его работы, а во время стоянки.

Прокурор.—Вы принимали участие в умерщвлении людей посредством «газового автомобиля»?

Хейниш.—Нет, не принимал.

Прокурор.—Расскажите подробно о вашей беседе с Зоман.

Хейниш.— Зоман рассказал мне в беседе, что смерть от отравления газами безболезненна и более гуманна. Он указал, что смерть в «газовом автомобиле» наступает очень быстро, но на самом деле она наступала не в 12 секунд, а более медленно и была связана с муками. Зоман рассказал мне о лагере в Аушвиц (Германия), где также применялось отравление газами арестованных. Им говорили, что их переводят в другое место, а иностранным рабочим об'яснили, что их отправляют на родину, и под этим видом направляли в баню. Лица, подлежащие казни, сначала поступали в барак с надписью «Дезинфекция», где раздевались мужчины отдельно и женщины и дети—отдельно. Затем им приказывали перейти в другой барак с надписью «Баня». Во

время мытья открывали специальные клапаны, в помещение поступал газ, от которого люди умирали. Затем умерщвленных сжигали в специальных печах, в которых одновременно может быть сожжено до 200 трупов.

Прокурор.—Вам не говорил Зоман, по чьему указанию стали применяться казни газом?

Хейниш.—Зоман рассказывал мне, что осенью 1942 г. состоялось совещание между Гитлером, Гиммлером и начальником СД Кальтербруннером, где было решено приступить к казням путем применения газов.

Прокурор.—Может быть, вы скажете о своем отношении к зверствам Гитлера и его клики?

Хейниш.—Как национал-социалист я призван выполнять приказания и указания, полученные от фюрера. Однако, я отрекаюсь от жестокостей.

Прокурор.—Отрекаетесь от жестокостей?

Хейниш.—Да.

Прокурор.— А к отравлению людей газом вы тоже отрицательно относитесь?

Хейниш.—Я считал, что отравление путем газа гуманное средство, но я не знал, что при этом смерть наступает после таких продолжительных мучений.

Прокурор.—Не известны ли свидетелю какие-либо документы, характеризующие политику германского правительства в оккупированных странах, в частности во временно оккупированных районах СССР?

Хейниш.—Нет, такие документы мне неизвестны. Однако, из высказывания авторитетных руководителей я знаю, что предполагалось довольно быстро разбить русскую армию. Учитывая, что держать в подчинении русский народ будет

весьма затруднительно, было приказано беспощадно применять репрессивные меры по отношению к гражданскому населению. Нечего было останавливаться перед арестом и расстрелами, так как только таким образом была возможность держать народ в повиновении и провести колонизацию страны. Кроме того, нужно было ослабить силу народа путем уменьшения количества людей, т. е. путем их истребления. Имперский комиссар Украины Кох говорил в августе этого года на совещании окружных комиссаров о трудностях, связанных с вербовкой рабочей силы для отправки в Германию. Кох требовал от комиссаров беспощадного применения всех имеющихся средств для поставки в Германию требуемого контингента рабочих. Далее Кох заявил на этом совещании, что он предполагает насильственным путем эвакуировать все население районов Северной Украины в Германию. Кох говорил, что в борьбе с партизанами сожжение деревень и тому подобные репрессивные меры не приносят требуемых результатов, так как партизаны имеют возможность всегда укрыться в лесистых районах. С целью ослабления упорства русского народа Кох предлагал уничтожить все ненужные элементы.

Прокурор.—Что же, эти установки Коха ограничили собой линию германских правителей?

Хейниш.—Так точно.

Прокурор.—У меня вопросов больше нет.

Председатель.—Скажите, свидетель Хейниш, кто такой Зоман?

Хейниш.—Зоман является начальником службы безопасности (СД) Бреславльского округа.

Председатель.—От него вам стало известно о применении газов?

Хейниш.—Так точно.

Председатель.—В каких городах применялись баки для отравления газами мирного населения?

Хейниш.—Уничтожение людей путем отравления газом должно было быть проведено в концентрационных лагерях.

Председатель.—На оккупированной немцами территории?

Хейниш.—В оккупированных областях нет концентрационных лагерей.

Председатель.—Значит, в Германии?

Хейниш.—Да.

Председатель.—Известно, что в Мелитополе 14.000 человек было удушено, повешено и расстреляно, вы же показали только о 4-х тысячах. Остальные 10 тысяч человек когда же были уничтожены?

Хейниш.—Наибольшая часть советских элементов была уничтожена сразу же после занятия города.

Председатель.—Значит, тогда, когда проходили передовые части германской армии?

Хейниш.—Так точно.

Председатель.—И население уничтожали передовые части германской армии?

Хейниш.—Да.

Председатель.—Но потом передовые части германской армии прошли дальше за Мелитополь, кто же уничтожил 4.000 человек?

Хейниш.—Гестапо и СД.

Председатель.—А при отступлении немецкой армии также уничтожалось мирное население?

Хейниш.—При отступлении германских войск города и деревни сжигались, а мирное население подвергалось насильственной эвакуации.

Председатель.—Какие задачи стояли перед вами, как окружным комиссаром, на случай эвакуации города Мелитополя?

Хейниш.—Я получил лично от полевого коменданта указания о проведении насильственной эвакуации населения. Ее проводили армейские части.

Председатель.—Какие вы имели директивы в отношении разрушения в городах государственных и общественных зданий, жилых помещений?

Хейниш.—Помещения и учреждения города и важные в оборонном отношении здания были уничтожены хозяйственными отрядами армии.

Председатель.—По чьему приказу?

Хейниш.—По приказу полевого коменданта.

Председатель.—Кто в это время был полевым комендантом?

Хейниш.—Генерал Тазер.

Председатель.—По вашим показаниям выходит, что, когда германские передовые части вновь занимали территорию, они убивали и грабили мирное население, а потом гестапо, СД и другие карательные органы уничтожали советских людей. Перед отступлением частей германской армии также уничтожалось мирное население. Правильно это?

Хейниш.—Я не имею права критиковать указания фюрера, сбусловленные военным временем. (Смех в зале).

Председатель.—Что вам известно о вывозе имущества и ценностей из занятых германской

армией территорий и какие на этот счет имелись директивные указания свыше?

Хейниш.—Я имел указание от имперского комиссара—все, что не нужно германской армии на месте, выкачать у населения (это касается сельскохозяйственных продуктов) и отправить в Германию. Исполнительной властью в этом отношении пользовались хозяйственные отряды при генеральном комиссариате.

Председатель.—А кто вывозил имущество и ценности?

Хейниш.—Этим занимались хозяйственные отделы в округах, а в германской армии—хозяйственные команды.

Председатель.—Хозяйственные отделы кому подчинялись?

Хейниш.—Хозяйственные отделы были подчинены главному хозяйственному отделу при генеральном комиссаре.

Председатель.—Как вы считаете, кто виновен во всех совершенных немцами злодеяниях, в разрушении городов, селений, в уничтожении ни в чем не повинных людей?

Хейниш.—Я не распоряжаюсь гестапо и СД.

Председатель.—У защиты имеются вопросы к свидетелю Хейниш?

Защитник Белов.—Не сможет ли свидетель Хейниш сказать, какое наказание по законам военного времени предусматривается за уклонение от эвакуации при отступлении германских войск?

Хейниш.—Об имевшихся приказах по этому поводу я ничего не могу сказать.

Защитник Белов.—А если уклонится сотрудник «зондеркоманды» от эвакуации при отступлении германских войск?

Хейниш.—Он тогда, согласно военным законам, расстреливается.

Защитник Белов.—У меня нет больше вопросов.

На этом допрос свидетеля Хейниш заканчивается.

Председатель.—На очереди допрос свидетеля Кош.

Входит свидетель Кош, который дает свои показания суду через переводчика.

Председатель.—Ваша фамилия, год рождения?

Кош.—Кош, Карл, родился 27 декабря 1908 года.

Председатель.—Какое имеете образование?

Кош.—Архитектор.

Председатель.—Какую занимали должность в армии?

Кош.—Я служил в саперных частях.

Председатель.—Командиром или рядовым?

Кош.—Я был сапер.

Председатель.—Какой имели военный чин?

Кош.—Рядовой солдат.

Председатель предупреждает, что свидетель обязан показывать правду.

Прокурор.—Скажите, свидетель Кош, что вам известно о способах истребления германской армией мирного советского населения.

Кош.—Кроме массовых расстрелов, которыми пользуются национал-социалисты для уничтожения мирного советского населения, мне еще известно о специальном способе, а именно о «газовом автомобиле».

Прокурор.—Откуда вам известно о «газовом автомобиле»?

Кош.—Я слышал о «газовом автомобиле» от моих товарищей, а также эту машину видел лично.

Прокурор.—Расскажите, при каких обстоятельствах и где вы этот автомобиль видели.

Кош.—Это было в начале мая 1943 года в Сретенке близ Волновахи, где находился наш батальон. В этот день я должен был по служебным делам быть в Волновахе. Закончив свои дела, я должен был ожидать грузовой автомобиль, который принадлежал нашему батальону и который должен был меня отвезти обратно в Сретенку. Я стоял на шоссе и ожидал автомобиль. В этот момент по шоссе ехала в моем направлении большая автомашина, которую я принял за тюремный или почтовый автомобиль. Автомобиль остановился возле меня. Из кабины шофера вышел унтершарфюрер и спросил—не видел ли я большую грузовую машину с эсэсовцами. Затем унтершарфюрер подошел ко мне, закурил папиросу, и я заметил, что унтершарфюрер был слегка навеселе. Я обратился к нему с вопросом—не может ли он меня подвезти на своей машине по направлению к Мариуполю. Он засмеялся и, подойдя вместе со мной к задней двери автомашины, смеясь, завил: «Ну, что ж, полезайте, здесь места хватит для многих». Когда он открыл дверь, оттуда понесло отвратительным запахом. Машина была совершенно пустой. И в этот момент я подумал, что, вероятно, это и есть тот «газовый автомобиль», о котором я раньше слышал. Я сказал: «Что же, вы хотите меня на этой машине прокатить в небеса?» Унтершарфюрер внезапно умолк, стал серьезным и спросил: —А что вы знаете об этой

нание? Я ответил, что о «газовом автомобиле» много слышал. Унтершарфюрер ответил, что «газовый автомобиль» действительно «газовый автомобиль», но я об этом ни звука никому не должен говорить, так как эта машина держится в строгой тайне. Унтершарфюрер далее заявил, что они только что приехали из одной местности, где были умерщвлены 42 русских.

Прокурор.—От кого вы впервые услышали об этой «газовой машине»?

Кош.—Впервые я услышал о существовании «газовой машины» от унтер-офицера Хаас. Хаас до этого был на центральном отрезке Восточного фронта и рассказывал, что он видел «газовый автомобиль» в окрестностях Смоленска, а также в Витебске и Белгороде. Я слышал также о «газовой машине» от Вини и Берихольд—военнослужащих 179 батальона 1 роты 79 германской пехотной дивизии. Эти люди также говорили, что они видели и слышали про «газовые машины» на центральном отрезке фронта в районах Смоленска, Витебска и Белгорода. Неудивительно, что теперь все народы связывают имя немцев с варварами. За это обозначение германский народ может благодарить Адольфа Гитлера, а также за то, что сейчас совсем невесело быть немцем. (Смех и оживление в зале). Кровь и кровь сопровождает весь этот гитлеровский трест с начала его основания до конца. Гитлеровцы праздновали тризну крови всюду, где они появлялись.

Было бы самым справедливым, если бы Гитлер и его клика нашли бы себе место в этом «газовом автомобиле», который они выдумали на позор Германии.

Следующим допрашивается свидетель Янчи.

Председатель.—Ваша фамилия?

Янчи отвечает через переводчика Копылова.

Янчи.—Янчи Гейнц.

Председатель.—Год рождения?

Янчи.—1916 года.

Председатель.—Место рождения?

Янчи.—Город Вена.

Председатель.—Образование?

Янчи.—Высшее образование.

Председатель.—В какой должности в армии были?

Янчи.—Я был фельдфебелем.

Председатель.—Свидетель Янчи, вы должны показать только правду. За дачу ложных показаний свидетели подвергаются ответственности по закону.

Прокурор.—Вы служили в лагере 271?

Янчи.—Да.

Прокурор.—Кто содержался в этом лагере?

Янчи.—В этом лагере содержались формально только военнопленные. В действительности там было и гражданское население.

Прокурор.—Расскажите, какой режим был в лагере военнопленных и что вам известно о лагере военнопленных в городе Вязьме.

Янчи.—В городе Вязьме в октябре и ноябре 1941 года имелся лагерь военнопленных.

Прокурор.—Сколько было заключенных в этом лагере?

Янчи.—Когда мы прибыли, в этом лагере было примерно 25.000 военнопленных и лиц гражданского населения.

Прокурор.—Расскажите, как эвакуировали заключенных из лагеря в Вязьме в Смоленск?

Янчи.—Командованием лагеря в городе Вязьме было решено этапировать в Смоленск заключенных.

Прокурор.—Сколько предполагалось этапировать человек?

Янчи.—15.000.

Прокурор.—Известно свидетелю, сколько человек из 15.000 дошли до Смоленска?

Янчи.—Да. Из смоленского лагеря от приемщика было сообщение, что в Смоленск прибыло 2.000 человек.

Прокурор.—Куда девались остальные 13.000?

Янчи.—Эти 13.000 по пути умерли от истощения, а часть просто была расстреляна охраной. Военнопленные, среди которых были женщины, старики и дети, еще до отправки были истощены, разуты и раздеты. По пути многие от усталости и истощения падали и умирали от голода, истощенных солдаты из охраны расстреливали.

Прокурор.—Расскажите, свидетель, как были размещены и как потом жили оставшиеся в Вязьме военнопленные и гражданские лица?

Янчи.—10.000 оставшихся военнопленных и гражданских лиц были переведены в здание, находившееся на площади завода.

Прокурор.—Это по Пекарной улице?

Янчи.—Да.

Прокурор.—Это здание, куда были переведены военнопленные и гражданские лица, по своей площади было достаточно для размещения такого количества людей?

Янчи.—Нет, военнопленные и гражданские лица были вынуждены стоя находиться в здании

день и ночь, не имея возможности спать. Они стояли так, как стоят в переполненном трамвае. Здание было настолько заполнено, что первое время туда невозможно было зайти.

Прокурор.—Какая погода была в это время?

Янчи.—Погода была чрезвычайно скверная, сырость, дождь и холод.

Прокурор.—Вы сказали, что в здание нельзя было совершенно войти, а что же, потом стало свободнее там?

Янчи.—Да, после того, когда большая часть находившихся там военнопленных и гражданских лиц умерла, в лагере стало немного свободнее.

Прокурор.—Много людей умерло в лагере?

Янчи.—Из 10.000, которые вначале там находились, умерло 6.000.

Прокурор.—Медицинская помощь больным оказывалась?

Янчи.—В самом лагере не было врача, имелось лишь небольшое помещение, оборудованное под лазарет.

Прокурор.—Расскажите, свидетель, как кормили содержавшихся в лагере?

Янчи.—Никакой кухни в лагере не было, питание заключалось в следующем: сторожевым командам выдавался ящик с концентратами (пакетиками) каши, солдаты сторожевой команды, чтобы облегчить себе раздачу пищи, выходили на лестницу и оттуда бросали в толпу заключенных пакетики с концентратами.

Прокурор.—А приготовлять пищу можно было?

Янчи.—Никто об этом не заботился, считали, что такой метод раздачи пищи вполне удовлетворителен.

Прокурор.—Всем давалась пища?

Янчи.—Нет, при таком способе раздачи пищи могли получить эти пакетики с кашей лишь те счастливцы из заключенных, которые находились в первом ряду и могли поймать налету бросаемые пакетики, а остальная масса военнопленных, среди них и гражданские лица, дети, старики и больные, находившиеся в лагере, не могли получить эту пищу и умирали от голода.

Прокурор.—Много было в лагере детей, женщин, стариков?

Янчи.—Да

Прокурор.—Расскажите, свидетель, были ли случаи расстрела военнопленных и гражданских лиц?

Янчи.—Да, охранная команда использовала всякую возможность для стрельбы по заключенным: например, при раздаче еды охранная команда стреляла по военнопленным и гражданским лицам из винтовок со сторожевой башни, стреляли и из пулеметов, бросали гранаты. По предложению офицера контрразведки капитана Живан, командиром лагеря майором фон Титекрон был издан специальный приказ, позволяющий стрелять. Я уже сказал, что заключенные, которые получали пакеты с кашей, не имели возможности ее приготовить, для этого не было никаких средств. Они собирали из грязных луж и сточных канав воду и таким образом старались себе что-нибудь сварить, а также собирали по лагерю остатки топлива и раскладывали костры. При таком количестве военных и гражданских лиц необходимо было зажигать костры и в темноте. Лагерная охранная команда использовала приказ Титекрон для того, чтобы открывать стрельбу не только по тем, кто разводил костры, но также и

по тем пленным, которые собирали воду из луж или щепки и остатки топлива в лагере. В этом лагере стреляли с утра до вечера. Если бы кто-либо приблизился к лагерю, он мог бы подумать, что здесь идет сражение стрелковых частей.

Прокурор.—Свидетель, вы в помещение лагеря заходили?

Янчи.—Да, я заходил в помещение лагеря, но лишь тогда, когда после всех этих расстрелов и смертей лагерь настолько опустел, что в него можно было зайти.

Прокурор.—Расскажите подробно, что вы видели в помещении лагеря, когда заходили?

Янчи.—Вид, который представлял собою лагерь после того, как туда можно было зайти, был ужасен. Площадка перед фабричным зданием была превращена в целое море грязи, которая местами доходила до полуметра, и в этой грязи были погребены сотни трупов военнопленных и трупов гражданских лиц. Так, можно было видеть в одном месте высовывающуюся руку, в другом—ногу, в третьем—голову. Особенно сплошным было скопление трупов около стен фабричного здания. Там лежали трупы расстрелянных, около лагерных стен находились также умирающие, сидя или стоя в каком-нибудь из углов лагеря, где они искали убежище от холода. На площадке перед фабричным зданием было большое количество канав, в которых собралась грязь и дождевая вода, и там лежали трупы, посиневшие и вздувшиеся от воды. Некоторые из этих канав использовались военнопленными, как отхожие места. Там также было большое количество трупов. Я никогда ранее не представлял себе, что человек перед смертью может быть настолько истощенным. Они

были настолько истощены, что их трупы представляли собой обтянутый кожей скелет. Головы представляли собой настоящие черепа. В здании была та же картина: оконных проемов в этом здании не было. Крыша этого здания была наполовину сломана, был сильный сквозняк.

Прокурор. — Расскажите, хоронили трупы умерших и расстрелянных военнопленных?

Янчи. — Трупы стали хоронить лишь тогда, когда в лагере почти все умерли, всюду лежали горы трупов, на одном лишь чердаке их было более 500—600. Тем же, которые еще могли двигаться, были даны в руки обрывки телефонного провода, который прикреплялся петлей за шею, руку или ногу умершего или убитого, и таким образом тащили через весь лагерь к заранее вырытым ямам, куда их сбрасывали и засыпали землей. Особенно ужасным было, что военнопленные, которые хоронили трупы, зная, что через пару дней они сами будут сброшены в эти ямы.

Прокурор. — Расскажите, свидетель, какое положение было в лагерях в Борисове, Касторном и Миллерове?

Янчи. — В этих лагерях было положение такое же, как и в Вязьме.

Прокурор. — Расскажите, свидетель, были ли в лагере собаки?

Янчи. — Да, были. Официально собаки находились в лагере для охраны лагеря, но фактически они использовались для натравливания на военнопленных, а также на гражданское население, которое скапливалось возле лагеря, чтобы узнать о судьбе своих близких.

Прокурор. — Кто-нибудь из инспекторских лиц посещал лагерь?

Янчи.—Да, и очень часто.

Прокурор. — И что же после этого режим лагеря улучшался?

Янчи.—Нет, положение не изменялось.

Прокурор. — Следовательно, об этих ужасах, которые творились в лагерях, знало высшее командование?

Янчи.—Да, высшее командование безусловно было осведомлено о положении в лагерях, так как в тот же лагерь, в Евпаково, прибыл полковник Рат, который заявил, что прибыл прямо от Адольфа Гитлера. Верховное командование не только было осведомлено о порядках, царивших в лагерях, но и сами их организовывало. Эти лагеря были по существу не лагерями для военнопленных, а лагерями, где истреблялись военнопленные и гражданское население Советского Союза.

Прокурор. Скажите, свидетель, кто является непосредственным виновником гибели советских военнопленных и гражданских лиц в 231 лагере?

Янчи. - Непосредственными виновниками гибели заключенных в 231 лагере являются в первую очередь комендант лагеря 231, работавший с начала советско-германской войны до декабря 1941 года, майор Фогт, заместителей его подполковник Гутшмидт, офицер контрразведки, доктор Гжован, лагерный врач, доктор Рабенлейтер и адъютант, он же заместитель коменданта лагеря, лейтенант Кирис. Это основные виновники.

Прокурор.—Вы жили в гор. Харькове?

Янчи.—Да, я был в Харькове.

Прокурор. -Расскажите, что вам известно о военнопленных и гражданских лицах, находившихся в лагере 364, который был расположен на Холодной Горе?

Янчи.—В лагере на Холодной Горе в гор. Харькове я жил всего четыре дня. Я приехал туда, чтобы взять оттуда заключенных на работу. То, что я там видел, нисколько не отличается от того, что было в лагере 231. Кроме того, мне об этом лагере много рассказывал офицер Хельгеман.

Прокурор. В этом лагере на Холодной Горе также содержались лица из гражданского населения?

Янчи.—Да, я сам видел гражданских лиц в этом лагере.

Прокурор. Расскажите подробно об этом лагере.

Янчи.—Этот лагерь был размещен в здании бывшей тюрьмы. В помещение я не входил, но был во дворе лагеря. Там также лежали трупы мертвых и умирающие, которым никто не оказывал помощи. Все они были истощены, оборваны, многие из них не имели обуви. Охранные посты ударами палок гнали этих заключенных на работу. За эти 4 дня, которые я был в лагере, пришел приказ об отправке пешим порядком в Полтаву. Этапирование проходило так же, как из тюрьмы в Смоленск. Люди были так истощены, что большинство из них до места назначения не дошло. Через несколько дней мне довелось ехать на автомашине в Коломак, и я увидел, что дорога была усеяна трупами пленных и лиц из гражданского населения. Среди них были женщины и дети. Несколько сот военнопленных оставалось в лагере на Холодной Горе. Они были уже настолько истощены, что не могли стоять. Как я впоследствии слышал от солдат, которые оставались там в лагере, незадолго до прихода советских

войск военнопленные, оставшиеся в лагере, были расстреляны.

Следующим допрашивается свидетель Бойко.

Председатель.—Пригласите в зал судебного заседания свидетеля Бойко.

(В зал судебного заседания входит свидетель Бойко).

Председатель.—Ваша фамилия?

(Обвиняемым вначале переводят допрос на немецкий язык переводчик Стеснова, затем переводчик Иванова).

Свидетель.—Бойко.

Председатель.—Имя и отчество?

Бойко.—Иван Семенович.

Председатель.—Год рождения?

Бойко.—1900.

Прокурор.—Расскажите, как вы попали на службу к немцам?

Бойко.—В октябре 1941 года в г. Киеве я пошел работать шофером, а также переводчиком в карательный отряд при гестапо.

Прокурор.—Потом вы вместе с командой переехали в Харьков?

Бойко.—Через некоторое время отряд переехал из Киева в Харьков, куда мы приехали 16 ноября 1941 года.

Прокурор.—Расскажите, как переселялись по приказу германского командования граждане города Харькова из городских квартир в бараки. Вы знаете об этом?

Бойко.—Через некоторое время был приказ начальника СД о выселении жителей города Харькова за город, в бараки, находящиеся вблизи Харьковского тракторного завода.

Прокурор.—Расскажите, как вывозили из больницы города Волчанска больных людей и уничтожали их?

Бойко.—12 июня 1942 г. был получен приказ о выделении 15 человек. В это число попал и я, и мне надо было выехать в город Волчанск. По приезде в Волчанск для размещения прибывших была избрана больница. Больница была переполнена, но Гельмрих дал приказ очистить больницу от людей и вывезти их оттуда. После этого стали выполнять приказ. Немецкие солдаты, войдя в больницу, приказали всем больным одеваться якобы для переезда в Харьков. Все начали одеваться, но ввиду того, что был отдан приказ не надевать на себя одежду, некоторые из них поняли, в чем дело, и здесь началась паника. Их гнали, они не хотели выходить. Больные рвались к дверям, но здесь кругом стояли гестаповцы и выходить не разрешали. В тех, которые пытались уйти, стреляли, и в результате этого много было ранено и убито. Затем началась погрузка в машину с применением плеток и оружия.

Прокурор. Сколько человек было уничтожено таким путем?

Бойко.—В первый раз они вывезли 50 человек, а потом остальных. Всего было уничтожено 90 человек, около 80 больных, а остальные—обслуживающий персонал больницы.

Прокурор.—Расскажите, что вам известно об уничтожении советских граждан—жителей города Воронежа, высланных по приказу фон-Радецкого?

Бойко.—После того, как наш отряд закончил работу в Волчанске, мы выехали оттуда в город Воронеж. Когда мы проезжали Белгород, «газен-

вагон остался в Белгороде. Через Курск мы приехали в Воронеж.

Прокурор.—По дороге вы никого не арестовали?

Бойко.—По дороге из Волчанска в Курск, а затем в Воронеж все время происходили аресты и расстрелы. По приезде в Воронеж фон-Рейхенау издал приказ, чтобы все жители, оставшиеся в городе, покинули его, а тот, кто останется в городе, будет расстрелян или повешен. Приказано было идти по направлению к местечку Хохол. Запуганные жители с детьми из города направились к местечку Хохол. Часть жителей была оставлена на месте, а других направили в другую сторону для проверки документов.

Прокурор.—Сколько человек тогда уничтожили?

Бойко.—Около 2.000 человек.

Прокурор. Расскажите, как производилось уничтожение?

Бойко.—Прибывших пешком в местечко Хохол заключенных я и другие шоферы повезли по направлению к селу Матреновка. По прибытии на место мы получили приказ разгрузить машину. Среди приехавших на машинах началась паника. Тех, кто пытался бежать, немедленно расстреливали. Я помню, как одна женщина, плача, кричала: «Зачем вы нас обманули, не убивайте». Помню, как одна девочка умоляла гестаповцев не расстреливать ее мать. Она просила: «Дяденька, не убивайте мою маму». Но гестаповцы расстреляли сначала мать, а потом и девочку.

Прокурор.—Потом куда вы поехали?

Бойко.—Так продолжалось здесь несколько дней, и было расстреляно около 2.000 человек. После мы поехали в город Курск. Когда мы на-

ходились при гараже в городе Курске, шофер Ганс Хери рассказал мне как расстреляли людей в Курске. Он говорил, что несколько машин под'ехало к тюрьме. В них были погружены арестованные, которых по приказу Радецкого отвезли к баракам и расстреляли. Ввиду нехватки патронов осталось нерасстрелянных 25 человек. Радецкому посоветовали, чтобы их отвезли в тюрьму и расстреляли в следующий раз, но он отдал приказ — обратно в тюрьму не возить, а убить их лопатами, винтовками и другими предметами.

Прокурор.—Следовательно, 25 человек, для которых нехватило патронов, были убиты винтовками и лопатами?

Бойко.—Да, винтовками и лопатами.

Прокурор.—Потом куда вы поехали?

Бойко.—Потом отряд выехал в Киев. Отсюда отряд поехал в Чернигов для борьбы с партизанами, но я заболел и остался в Киеве при местной команде. Я оставался на Институтской улице № 5 в главном штабе.

Прокурор.—Главный штаб чего?

Бойко.—Главный штаб гестапо.

Прокурор.—Расскажите, что вы делали в Киеве?

Бойко.—Я работал в гараже. Шоферы, которые давно работали здесь, говорили, что в Киеве каждый день происходят аресты и расстрелы. Я видел газовую машину, которая стояла в гараже. Она уходила утром и возвращалась к вечеру.

Прокурор.—Назовите, свидетель Бойко, фамилии гестаповцев, руководивших массовым уничтожением советских граждан в Харькове.

Бойко.—Штурмбанфюрер Гранбель, оберштурмфюрер Фейнгольц, оберштурмфюрер Кирхе, оберштурмфюрер Фест и его помощник Петерс.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 17 ДЕКАБРЯ

На утреннем заседании 17 декабря продолжался допрос свидетелей. Как и в предыдущие дни, зал переполнен народом. С напряженным вниманием следят присутствующие за ходом судебного заседания, вскрывающего все новые жуткие подробности преступлений, которые чинили немецко-фашистские захватчики в период временной оккупации Харькова и Харьковской области.

Перед Военным Трибуналом проходит группа свидетелей бывших работников 1 армейского сортировочного госпиталя 69-й армии.

Показания свидетелей вскрывают во всех подробностях страшную трагедию, разыгравшуюся в госпитале, в котором находились раненые красноармейцы, после захвата Харькова немцами.

—То, что мне пришлось видеть и пережить в период немецкой оккупации, —говорит свидетель Джинчвиладзе,—просто не вмещается в человеческом сознании: в восьмом корпусе госпиталя было собрано 400 тяжело раненых, нуждавшихся в немедленной оперативной помощи и находившихся в операционной и готовившихся к очередной операции, когда раздался глухой взрыв. Навстречу мне с криком бежали санитарки. Оказывается, к госпиталю подъехали эсэсовцы и, предварительно заколотив все входные двери, бросили в помещение две зажигательные бомбы. Первый этаж моментально охватило пламя. Огонь перекинулся на кровати, где лежали раненые. С загоревшейся одеждой они поползли к окнам. Многие были так слабы, что, не успев

проползти нескольких шагов, падали мертвыми. Тех же, кто успел добраться до окон и вылезти на подоконники, пристреливали из автоматов эсэсовцы, оцепившие здание кругом. Нельзя передать словами то, что происходило в этот момент: горящие люди метались по палатам, им нигде не было спасения—в помещении бушевал огонь, а за окнами подстерегали пули. Такая же сцена разыгралась и во втором этаже, куда вскоре перекинулся огонь. Нам удалось спрятать группу раненых на лестничной клетке и, когда эсэсовцы, видимо, думая, что все раненые погибли в огне, ушли, выпустить их через окна на улицу. Из 400 человек, находившихся в корпусе, спаслось не более 50.

Раненых, оставшихся в других корпусах госпиталя, постигла та же участь. Назавтра в госпиталь вновь приехал отряд эсэсовцев, и начался массовый расстрел. Эсэсовцы обшаривали все углы, подвалы. Некоторых раненых вытаскивали во двор и там расстреливали, других приканчивали на месте. Эта кровавая расправа продолжалась 4 дня. Трупы убитых 12 дней лежали во дворе и в подвалах. Гестаповцы не разрешали их хоронить.

Показания Джинчвиладзе дополняет свидетель профессор Катков, являвшийся к моменту этой трагедии главным врачом начальника и фактически исполнявшим обязанности начальника госпиталя. Его показания с неоспоримой ясностью устанавливают, что это чудовищное преступление было хорошо обдумано, подготовлено и организовано гитлеровцами.

«Нажатие трагедии, — показывает Катков,— в госпиталь явился немецкий офицер и приказал

сосредоточить всех раненых в одном из корпусов, где, как он заявил, будет госпиталь для русских. Когда это было сделано, к госпиталю подъехали эсэсовцы, оцепили корпус, в котором мы начали сосредоточивать раненых, и подожгли его зажигательными бомбами, а тех, кто, спасаясь от огня, пытался выскочить в окно, расстреливали из автоматов. Назавтра немцы начали обходить помещения остальных корпусов — палата за палатой, подвал за подвалом. Подойдя к какому-либо помещению, они вначале бросали туда несколько гранат, давали очередь из автоматов и затем, войдя в помещение, добивали тех, кто еще оставался в живых. Каким-то чудом уцелевшие раненые рассказывали мне потом, что впереди немцев шел офицер, который освещал карманным фонарем все углы. Подходя к каждой кровати и убедившись, что человек мертв, он говорил: «капут» и шел дальше.

Не довольствуясь этими зверствами, немецкие изверги распяли одного из тяжело больных, прибив его гвоздями к стене во дворе госпиталя. Вокруг распятого собралась кучка немцев, они весело хохотали, а многие фотографировали свою жертву.

Все присутствующие с огромным удовлетворением воспринимали приведенные свидетелем Катковым факты исключительной самоотверженности и патриотизма русских женщин. Рискуя жизнью под немецкими пулями, женщины, фамилии которых, к сожалению, остались неизвестны, проникали на территорию госпиталя, приносили раненым, уцелевшим от расправы, еду, ухаживали за ними, как родные матери и сестры.

Следующей допрашивается свидетельница

Сокольская, работавшая медицинской сестрой в 1 сортировочном госпитале. Ее показания полностью подтверждают все, о чем говорили на суде предыдущие свидетели.

— Я находилась 14 марта в помещении госпиталя, когда раздался взрыв. Это немцы бросили зажигательные бомбы. В здании начался пожар. Раненые, спасаясь от мучительной смерти в огне, сползали с кроватей, но большинство тут же падало. Но и тем из них, кто добрался до окон, не удалось спастись. Немцы подстерегали их и расстреливали из автоматов.

Свидетельница Сокольская рассказывает о жестоких преступлениях гитлеровцев во дворе госпиталя. В одном из подвалов они нашли человека, который еще был жив. Несчастного выволокли во двор и хотели тут же пристрелить. Один немец уже поднял было автомат, но другой ему что-то сказал, и оба громко захохотали. Первый немец куда-то убежал и быстро вернулся с молотком и гвоздями. Оба немца набросились на полуживого человека и, сорвав с него одежду, начали прибивать его к стене на потеху себе и другим немецким извергам.

Сильнейшее впечатление на всех присутствующих произвело краткое показание свидетельницы Козловой. Во время кровавой бойни, учиненной гитлеровскими извергами, в госпитале погиб ее муж, который находился там на излечении.

— Когда я пришла в госпиталь, — рассказывает Козлова, — я не узнала здания. Вместо корпуса высились обгоревшие развалины. Внутри здания я увидела множество трупов. Ими было завалено все помещение. Чтобы пройти из одной

комнаты в другую, — приходилось буквально шагать по трупам, среди них я нашла обезображенный труп своего мужа.

О кровавой расправе с советскими людьми, учиненной фашистами в Сокольническом лесопарке, показал проживающий на территории парка свидетель **Беспалов.** Из окна своего дома, на расстоянии каких-нибудь 150 метров, он трижды видел, как гитлеровские звери уничтожили несколько тысяч советских граждан, в том числе много детей, женщин, стариков.

— Несколько часов, — рассказывает Беспалов, — немцы возили арестованных к заранее приготовленным ямам. Всем было приказано раздеваться. Тех, кто сопротивлялся, избивали и насильно, сорвав одежду, живыми втаскивали в ямы и затаптывали ногами. Вещи, отобранные у раненых, немцы собрали, погрузили на машины и с песнями уехали.

Через несколько дней в то же место была привезена большая партия женщин и детей. Лес огласился громкими криками и плачем.

Немцы избивали свои жертвы прикладами, топтали ногами, а детей вырывали из рук матерей. Многие гитлеровцы развлекались тем, что еще до начала массового расстрела избирали себе жертву и расстреливали ее из пистолета. Затем всех [illegible] в ямы и расстреляли из автоматов.

— Возле [illegible], — показывает Беспалов, — немцы выкопали яму огромных размеров. В течение трех дней они возили сюда арестованных советских граждан. Среди них были и военнопленные, и женщины, и маленькие дети, и глубокие старики. Невозможно описать

душераздирающие сцены, которые здесь разыгрывались. Люди плакали, прощались друг с другом, матери и жены прижимали к груди детей, некоторые, отчаявшись, плевали в физиономии своим палачам, бросались на них с кулаками. Всех обреченных гитлеровцы загнали в яму, забросали ручными гранатами и одновременно выпустили по ним несколько автоматных очередей.

Такая же расправа, как показывает далее свидетель Беспалов, была учинена немцами над большой группой советских женщин, которых они собрали якобы для заготовки леса.

На вопрос председателя суда подсудимый Буланов подтверждает показания свидетеля и говорит, что он сам неоднократно возил в Сокольнический лесопарк осужденных на расстрел советских граждан.

Следующим допрашивается свидетель Серикov. Он воспроизводит в своих показаниях обстановку, в которой производилось переселение тысяч харьковчан из городских квартир в бараки тракторного завода. С наступлением темноты переселяющимся было запрещено двигаться по улицам, заходить в дом, чтобы обогреться, им также не разрешали. Люди были раздеты и разуты. В то время стояли лютые холода, и многие замерзали прямо на улице. С наступлением рассвета то тут, то там можно было видеть группы замерзших людей.

Свидетель показывает далее о том, что он видел бараки, битком набитые трупами.

— Однажды, — говорит Серикov, — комендант погнал меня на работу расчищать бараки. Я лично вынес из бараков обгоревшие трупы

и складывали их в траншеи. Несколько раз я наблюдал, как к баракам, где были сложены трупы, подъезжали немецкие солдаты и поджигали их.

Свидетельница Подкопай, проживающая в Харькове на Рыбниковской улице 8, где помещался гараж гестапо, дополняет вскрытую на суде картину массового уничтожения советских людей посредством «душегубки».

— Во дворе гаража, — говорит она, — было много машин. Но одна из них обращала на себя особое внимание — это была машина с огромным кузовом, окрашенным в темносерый цвет. Я спрашивала шофера гестапо Бойко, что это за машина. Он сначала отмалчивался, говорил, что это секрет, а потом все-таки рассказал: «Эта машина, — сказал мне Бойко, — предназначена для того, чтобы отравлять людей газом».

Однажды я стояла на дворе, когда подъехала «душегубка». Всех немедленно загнали в помещение. Из окна я видела, как немецкие солдаты выскакивали из машины трупы. Впоследствии я узнала, что «душегубка» отправлялась в очередной рейс, но по дороге испортилась и была возвращена в гараж для ремонта.

О зверском истреблении больных показал свидетель Гайдамак, проживающий на территории больницы Липецкого района, Харьковской области.

— Однажды мы увидели, — показывает Гайдамак, — что на территорию больницы пришел большой отряд немецких солдат. Мы все бросились по домам прятать свои ножики, так как знали, что раз пришли немцы, значит начнутся грабежи. Немцы приказали нам всем выйти

окна, запереть двери и предупредили, что всякий, кто выглянет на улицу, будет расстрелян. Вскоре после этого раздался ружейный залп. Я потихоньку выглянул в окно и увидел немец ведет по больничному двору за ограду группу полураздетых больных. Снова раздался залп. Он повторялся много раз. Больные кричали, вырывались из рук палачей, но немцы, подгоняя и избивая их прикладами винтовок и автоматов, принуждали итти к месту казни. Эта чудовищная расправа продолжалась, пока не стемнело. Вскоре после этого многие работницы больницы рассказывали мне, как происходило это. К главврачу явился немецкий офицер и предложил отравить больных ядом. Когда главврач отказался, офицер заявил: «Ну, в таком случае я сам их уничтожу». Он приказал всему медицинскому персоналу оставаться на местах, а сам направился во двор больницы и руководил расстрелом. Так было расстреляно 435 больных, в том числе много женщин.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 17 ДЕКАБРЯ

На вечернем заседании 17 декабря допрашивается свидетель Головко, работавший врачом Липецкой больницы.

— 21 ноября 1941 г.,—показывает свидетель,— в больницу явилось трое немецких офицеров — один капитан и два лейтенанта. Один из них заявил мне, что имеется распоряжение об уничтожении всех больных, находящихся на излечении в нашей больнице, и предложил мне взять на себя отравление их ядом. Я горячо протестовал и заявил, что обязанность врачей лечить, а не травить людей. Тогда офицер спросил: «Мо-

жет быть, кто-либо из медперсонала вашей больницы возьмет на себя выполнение этого задания?» Я ответил, что таких у нас не найдется. Тем не менее офицер приказал мне собрать медперсонал и довести до его сведения это предложение. Я подчинился приказу, собрал весь медицинский персонал. Как я и ожидал, все работники больницы единодушно поручили мне заявить офицеру, что они отказываются стать палачами наших больных. Я довел об этом до сведения офицера. Тогда он заявил: «В таком случае я сделаю это сам». Я пытался спасти больных, сказав, что если германскому командованию нужно помещение нашей больницы, то оно будет немедленно освобождено. «Нет, помещение нам не нужно,—ответил офицер, нам нужно уничтожить больных». Он приказал всем работникам больницы войти в помещение и не выходить оттуда под угрозой расстрела. После этого во двор вошла группа германских солдат, другие солдаты окружили всю территорию больницы, а за оградой на перекрестках дорог были выставлены пулеметы. По всему было видно, что немцы готовились к этой операции очень тщательно и продумали все до мелочей. Офицер приказал солдатам выводить больных из отделений по 10 человек. Больных выводили из здания и приказывали идти в больничный сад. А там, в овраге, лежало несколько немецких солдат во главе с офицером. Когда больные приближались к оврагу, немцы открывали огонь. Кое-кто из больных пытался бежать, но немецкие солдаты их догоняли и добивали. В это время подъехала другая машина—прибыл еще один немецкий офицер, заявивший, что он врач, присланный принять от

мое больничное имущество. Услышав слово «врач», я обрадовался и просил его помочь прекратить это зверское убийство беззащитных больных. Офицер заявил, что его дело принять имущество, а все остальное его не касается. Войдя в склад, этот «врач» первым делом выбрал себе свитер, примерил его и сказал «гут» и пошел дальше. Тем временем в саду шли расстрелы. Они продолжались до позднего вечера и на завтра с утра возобновились. Были уничтожены почти все больные, за исключением нескольких, которые не могли двигаться. Немецкие солдаты выносили их во двор и там расстреливали.

— Сколько было в больнице больных?—спрашивает председатель суда.

435,—отвечает свидетель.

Председатель.—Дети и женщины среди них были?

Головко.—Да, более половины.

Председатель. Использовалось ли в дальнейшем помещение больницы германским командованием?

Головко.—Нет, оно пустовало более года и только непродолжительное время использовалось в качестве казармы.

Суд приступает к допросу свидетельницы Осмачко. Эта пожилая колхозница стояла под расстрелом, и только благодаря случайности ей удалось спастись от смерти.

— Услышав выстрелы,—показывает Осмачко,—несколько наших колхозниц решили выйти за село посмотреть, в чем дело. Я тоже пошла, и взяла с собой своего сына Владимира. Не успели мы выйти за село, как нас остановили немецкие солдаты. Они приказали нам выстроиться

вдоль дороги и повели в поле. Там возле большой ямы расстреливали людей. Нас они поставили на краю ямы и открыли по нас стрельбу. Женщины закричали, многие упали, обливаясь кровью. Я тоже упала в яму и потеряла сознание. Когда очнулась, слышу—стреляют. Рядом со мной лежал труп моего сына Владимира. Сверху продолжали падать прямо на меня все новые и новые трупы. Я едва удержалась, чтобы не закричать, но решила, что единственное для меня спасение притвориться мертвой. Я пролежала в яме долгое время, а когда гитлеровцы закончили расстрел и ушли, выбралась из ямы и кое-как доползла до дома.

Председатель суда генерал-майор юстиции Мясников об'являет, что допрос свидетелей окончен. После краткого перерыва суд заслушивает заключение судебно-медицинской экспертизы.

После допроса свидетелей суд заслушал заключение судебно-медицинской экспертизы.

Акт, составленный судебно-медицинской экспертизой, зачитал профессор кафедры судебной медицины 2-го Московского Медицинского института **В. М. Смольянинов.**

Старший сотрудник Института судебной медицины **П. С. Семеновский** и судебно-медицинский эксперт 69 армии майор медицинской службы **Г. И. Городниченко** дали ответ на вопросы, поставленные перед судебно-медицинской экспертизой на утреннем заседании суда 17 декабря.

Главный судебный медицинский эксперт НКЗ СССР **В. И. Прозоровский** зачитал общее заключение судебно-медицинской экспертизы по данному делу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТНОЙ КОМИССИИ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА 4-ГО УКРАИНСКОГО ФРОНТА

Судебно-медицинская экспертиза исследовала в гор. Харькове и его окрестностях места преступлений немецко-фашистских захватчиков — места, где ими производилось уничтожение советских граждан. Это — пожарище корпуса армейского госпиталя, где были расстреляны и сожжены военнопленные, тяжело раненые воины Красной Армии. Это — места массовых расстрелов здоровых и больных, малых детей, подростков, молодых, пожилых и престарелых женщин и мужчин на территориях лесопарка «Сокольники», вблизи села Подворки, в Дробицком яру и на территории лечебницы колонии «Стрелечье». Судебно-медицинская экспертиза исследовала на этих территориях ямы-могилы и эксгумировала из них трупы расстрелянных, отравленных, сожженных и иным способом зверски истребленных советских граждан. Судебно-медицинская экспертиза исследовала места, где немецко-фашистские оккупанты уничтожали путем сожжения трупов следы своих преступлений — отравлений окисью углерода. Это — пожарище на территории, где находились бараки для рабочих Харьковского тракторного завода.

Изучение территорий, на которых закапывались трупы или производилось их сожжение, изучение ям-могил и положения трупов в них, сопоставление с материалами судебного следствия дают право считать, что количество трупов умерш-

вленных советских граждан в гор. Харькове и его ближайших окрестностях исчисляется в несколько десятков тысяч человек, цифра же 30.000 уничтоженных советских граждан, называемая подсудимыми и некоторыми свидетелями, является весьма приближенной—несомненно преуменьшенной. В 13 ямах-могилах, что были вскрыты только на территории города и его ближайших окрестностей, оказались огромные массы трупов. В большинстве этих могил они были в исключительном беспорядке, хаотично переплетаясь между собой, образуя неподдающиеся описанию клубки человеческих тел. Трупы лежали так, что допустимо говорить об их сваливании, сбрасывании, но не о погребении в братских могилах. В двух ямах, что находятся на территории лесопарка «Сокольники», были обнаружены трупы, лежавшие правильными рядами, ничком, с руками, согнутыми в локтях, и кистями рук, прижатыми к лицу или шее. На всех трупах оказались сквозные огнестрельные ранения головы. Такое положение трупов не случайно. Оно свидетельствует о том, что жертв заставляли ложиться вниз лицом и в этом положении расстреливали. В ямах-могилах, где были трупы, или в тех местах, где их сжигали, судебно-медицинская экспертиза находила предметы бытового обихода и личного пользования (сумки, мешки, ножи, котелки, кружки, ложки, замок от дамской сумочки и пр.).

Факт, устанавливаемый материалами следствия, что перед умерщвлением советских граждан одежда и обувь с них снимались, имеет полное подтверждение судебно-медицинских данных, так как эксперты при эксгумации трупов

...ще всего обнаруживали обнаженные или по-
...раздетые трупы.

...Для того, чтобы определить, кто из советских
...ждан подвергался истреблению и как оно
...производилось, было эксгумировано и исследо-
...вано в гор. Харькове и его окрестностях 1.047
...трупов. Это оказались трупы 19 детей и под-
...ростков, 429 женщин и 599 мужчин. Возраст
...мертвых колебался от 2-х до 70 лет. Обнару-
...жение в ямах-могилах трупов детей и подрост-
...ков, женщин и стариков, а также и инвалидов,
...по наличием на трупах или возле них граждан-
...ской одежды, вещей домашнего обихода и лич-
...ного пользования—свидетельствует о том, что
...немецко-фашистские власти уничтожали мирное
...советское население независимо от пола и
...возраста. С другой же стороны обнаружение
...в трупах мужчин молодого и среднего возра-
...ста одежды военного образца, принятого в
...Красной Армии, и предметов военного снаряже-
...ния (котелки, кружки, пояса и др.), говорит об
...истреблении советских военнопленных.

...Истребление советского населения (мирных
...жителей и военнопленных) производилось путем
...отравления окисью углерода, расстрелов, сож-
...жения и убийства тупыми, твердыми, тяжелыми
...предметами. Все это с исключительной беспор-
...чностью, без всяких противоречий, установлено
...материалами предварительного и судебного
...следствия, а также с научной об'ективностью
...данными судебно-медицинской экспертизой.

...Показания подсудимых и свидетелей конста-
...тируют, что в различных местах временно ок-
...купированной территории СССР применялся не-
...мецко-фашистскими захватчиками специально

оборудованный мощный автомобиль, в кузове которого с помощью выхлопных газов, содержащих окись углерода, производилось умерщвление советских граждан. Судебно-медицинская экспертиза это впервые безусловно доказала при исследованиях трупов, эксгумированных на территории города Краснодара и его окрестностей. И когда совокупностью судебно-медицинских, судебно-химических и спектроскопических исследований крови на тканях и органов трупов было с бесспорностью установлено наличие окиси углерода. Такой же метод отравления окисью углерода, что и в городе Краснодаре, является доказанным при судебно-медицинском исследовании у некоторой части трупов, эксгумированных на территории города Харькова. Конструирование автомобиля, получившего наименование «газового автомобиля» или «душегубки», рассчитанного на то, чтобы посредством выхлопных газов, поступающих в герметически закрытый кузов автомашины, умерщвлять находящихся в нем людей, должно быть признано, как разработка специального механизированного метода для одновременного отравления больших групп людей. Кроме отравления окисью углерода, следственными и судебно-медицинскими данными установлено, что немцы широко применяли в городе Харькове и его окрестностях расстрелы из автоматического огнестрельного оружия, стреляя, как правило, в затылочную часть головы, задний поверхность шеи и спину. Исследования трупов также показала, что имели место случаи, когда для умерщвления применялось раздробление костей черепа и разрушение головного мозга посредством ударов тупым, твердым, тяжелым предметом. Надлежит отме-

лись, что в городе Харькове было произведено особо мучительное истребление тяжело раненых советских военнопленных путем их сожжения в сочетании с расстрелом. Это доказано материалами предварительного и судебного следствия, а также судебно-медицинскими исследованиями частей трупов, найденных на пожарище сгоревшего корпуса Армейского госпиталя, когда, в частности, в дыхательных путях обгоревшего трупа было найдено наличие копоти, что свидетельствует о прижизненном действии дыма и пламени. Следы своих преступлений, прежде всего отравления окисью углерода, немецко-фашистские захватчики пытались уничтожить, сжигая трупы отравленных. Однако материалами следствия в обнаружением частей скелетов от трупов, подвергнутых сожжению на территории бараков Харьковского тракторного завода, устанавливается факт сожжения трупов. Судебно-медицинская экспертиза, основываясь на всей совокупности данных своих исследований, предварительного и судебного следствия, констатирует:

а) многочисленность мест захоронения на территории города Харькова и его ближайших окрестностей;

б) колоссальное количество трупов в ямах-могилах;

в) разновременность захоронения трупов в отдельных могилах;

г) различную степень сохранности трупов в одной и той же могиле;

д) характеристику трупов по полу и возрасту;

е) однотипность методов умерщвления;

ж) применение специально приспособленного для уничтожения людей «газового автомобиля».

Считаем это доказательством систематического, массового, планово организованного истребления мирных советских граждан и военнопленных.

Главный судебно-медицинский эксперт Наркомздрава СССР, директор Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР **Прозоровский**

Профессор кафедры судебной медицины 2-го Московского медицинского института, доктор медицинских наук—**Смольянинов.**

Старший научный сотрудник Патологического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР—доктор **Семеновский.**

Главный судебно-медицинский эксперт 69 армии майор медицинской службы **Городивченко**

Патолого-анатом майор медицинской службы—**Якуша.**

После перевода текста заключения судебно-медицинской экспертизы на немецкий язык председатель суда, генерал-майор юстиции **Мясников,** об'являет судебное следствие законченным.

На этом вечернее заседание 17 декабря закончилось.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 18 ДЕКАБРЯ

Открыв заседание, председательствующий предоставляет слово государственному обвинителю.

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ, ПОЛКОВНИКА ЮСТИЦИИ Н. К. ДУНАЕВА

Граждане судьи!

С момента вероломного нападения гитлеровской Германии на нашу Родину народы Советского Союза каждый день узнают о новых преступле-

всех, о новых чудовищных злодеяниях, которые немецко-фашистские захватчики совершили на нашей земле.

Еще сравнительно недавно весь мир был потрясен кровавыми зверствами немецко-фашистских захватчиков, установленными на Краснодарском процессе, и вновь на этом суде мы убедились в тех ужасах, которые совершили немецкие разбойники на территории Харькова и Харьковской области.

Горы трупов звероки убитых мирных советских людей нагромождены гитлеровцами во всех местах, где они побывали.

Тысячи истребленных детей, погубленных женщин и стариков, сожженных больных военнопленных — вот кошмарные следы немецкой оккупации.

«Как средневековые варвары или орды Аттилы, немецкие злодеи вытаптывают поля, сжигают деревни и города, разрушают промышленные предприятия и культурные учреждения» — говорил товарищ Сталин в своем докладе, посвященном 26 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Перелистывая кровавые страницы настоящего дела, представляется, что речь идет о самых мрачных периодах средневекового варварства, которые, впрочем, далеко перещеголяли современные немецкие палачи.

Не первые в истории приходится сталкиваться с немецкими зверствами. Они общеизвестны.

Но все, что было известно до сих пор, никак не может сравниться с тем, что немецкие захватчики натворили в эту войну, на нашей земле.

В Харькове и Краснодаре, всюду, где побывали немцы, — одни и те же кошмарные картины

злодеяний, массовых убийств и разрушений встают перед нашими глазами.

Перед глазами всего мира груды развалин, кучи щебня и пепла вместо цветущих городов и сел нашей Родины. Глубокие рвы, до краев заполненные расстрелянными, повешенными и удушенными советскими людьми.

Общеизвестно, что это не случайные преступления отдельных немцев, а глубоко продуманная, подготовленная программа истребления русского, украинского, белорусского и других народов, что это—система уничтожения населения во временно захваченных районах Советского Союза.

Общеизвестно, что истребление народов Советского Союза было провозглашено Гитлером задолго до начала войны, навязанной нам немецко-фашистскими захватчиками.

Гитлер, Геринг, Геббельс, Гиммлер и иже с ними—вот кто являются главными вдохновителями и организаторами массовых убийств и злодеяний, совершенных немцами на советской земле, в Харькове, Краснодаре и других городах.

Обергруппенфюреры и группенфюреры войск СС—Дитрих и Симон, начальники гарнизонов, комендант и жандармы, руководители гестапо всяческих рангов и званий немецкие палачи—вот кто непосредственные виновники гибели сотен тысяч советских граждан.

Далее прокурор подробно излагает факты чудовищных злодеяний, совершенных немецкими палачами в Харькове и Харьковской области. Приводя даты и называя места, в которых учинялось массовое истребление советских граждан, указывая методы этого истребления расстрелы и

...ницы, удушение окисью углерода в «душегубках» и истязания, сожжение заживо и т. п., прокурор говорит:

— Товарищи судьи! Мы имеем перед собою бесспорные доказательства того, что все эти чудовищные злодеяния немецкие захватчики творили по прямым указаниям руководителей германского разбойничьего правительства и верховного командования немецкой армии.

Прокурор далее подчеркивает, что, как это с полной точностью доказано на предварительном и судебном следствии, массовые зверства и убийства мирных жителей в Харькове и Харьковской области совершались офицерами и солдатами германской армии и германскими карательными органами, а именно:

дивизии СС «Адольф Гитлер»—под командованием обергруппенфюрера войск СС—Дитриха;

дивизии СС «Мертвая голова» под командованием группенфюрера войск СС—Симона;

германской «зондеркомандой СД» в г. Харькове, возглавляемой штурмбанфюрером—Хаблитцер;

группой германской тайной полевой полиции г. Харькова во главе с ее начальником—комиссаром полиции Кархан;

привлеченными в качестве обвиняемых по настоящему делу Лангхельд Вильгельмом, Рицем Паулем, Реплав Рейнгардом и их пособником, изменником Родины—Булановым.

Переходя затем к изложению конкретной вины каждого из подсудимых, прокурор подробно указывает факты злодеяний, которые совершил каждый из них, и перечисляет неоспоримые судебные доказательства, которыми вина подсуди-

мых доказана,—их собственные признания, показания свидетелей, заключение судебно-медицинской экспертизы и т. п.

После этого прокурор, ссылаясь на общеизвестные нормы международного права, а также на Гаагскую конвенцию 1907 года и Женевскую конвенцию 1929 года, устанавливающие правила ведения войны, констатирует, что немецко-фашистские захватчики грубейшим образом попирают все международные законы и обычаи ведения войны, несмотря на то, что Германия 27 ноября 1909 г. присоединилась к Гаагской конвенции, а 21 февраля 1934 г. она поставила свою подпись и под конвенцией 1929 года.

В связи с этим прокурор говорит:

— Присоединившись к этим конвенциям торжественно и добровольно, Германия затем цинично и подло их нарушила, как нарушила и заключенные ею договора о мире.

Всюду, где только на советскую территорию вступали германские захватчики,—говорится в ноте товарища Молотова от 6 января 1942 г., они несли с собою разрушение и разорение наших городов, сел и деревень.

Творя гнусные насилия над мирными жителями временно захваченных территорий, безудержно расправляясь со стариками, женщинами и детьми, не щадя раненых и больных, истребляя военнопленных, немецко-фашистские власти попирают все международные законы и обычаи войны, творят ужасные преступления.

Для ответственности подсудимых немецких военнопленных не имеет никакого значения то обстоятельство, что приказы вышестоящих немецко-фашистских военных инстанций предписы-

...ский террор и истребление в отношении совет-...кого гражданского населения и военнопленных ...асноармейцев.

Есть действия, преступность которых очевидна ...ля каждого, это тем более относится к тем чу...овищным преступлениям, которые были предме...том настоящего судебного разбирательства.

Эти преступления совершались как по приказу ...итлеровского правительства и немецкого коман...дования, так и в порядке проявления собствен...ной инициативы подсудимых, отдававших прика...зания своим подчиненным об истреблении совет...ских граждан.

Подсудимые полностью признали это на су...дебном процессе.

Таким образом, вопрос об ответственности под...судимых за содеянные ими преступления являет...ся очевидным. Ссылки обвиняемых только лишь ...на исполнение приказа несостоятельны. Сошлем...ся даже на немецкие материалы времен Веймар...ского режима. Известно, что после первой миро...вой войны Лейпцигский трибунал в 1921 году ...ытался прикрыть зверства немцев в войне 1914—1918 гг.

Это, как известно, была «комедия суда». Но и этот суд по частному случаю вынужден был для успокоения возмущения мирового общест...венного мнения по делу о зверском потоплении немецкой подводной лодкой английского госпи...тального судна «Ландоуэр Кестл» заявить, что, ...тя деяния обвиняемых проистекали из прямого ...ли косвенного распоряжения их командира, это не освобождает их от ответственности, так как ...е может быть никакого сомнения в том, что

обвиняемые отдавали себе отчет в нечестности и преступности замысла командира.

Далее, Вашингтонский договор 1922 года, устанавливающий правила подводной войны, считает, что всякое лицо, на службе какой державы оно бы ни находилось, действующее по приказу высшего начальства или нет, которое нарушит одно из указанных правил, будет считаться нарушителем законов войны и будет подлежать суду и наказанию, как если бы оно совершило акт пиратства.

Из этого видно, что не может быть и речи о том, что приказы начальства освобождают от ответственности гитлеровских извергов за их чудовищные злодеяния.

Многочисленные приказы гитлеровского Правительства и гитлеровских военных властей предписывают совершение таких действий, которые явно и несомненно для всех и каждого являются величайшими преступлениями и вопиющими нарушениями международного права.

Германский военнослужащий, поджигающий мирные города и селения, расстреливающий мирных граждан, загоняющий в пылающие дома женщин, стариков и детей, — не может не знать, что такие действия являются издевательством над международным правом и над законами всех цивилизованных стран.

Поскольку война со стороны гитлеровской Германии носит характер широко организованного военного разбоя, уголовная ответственность за совершенные злодеяния должна быть возложена как на вдохновителей, так и на исполнителей преступлений, ибо иначе большинство чудовищных злодеяний, чинимых фашистскими

преступниками, остались бы безнаказанными, поскольку преступники могли бы прикрываться приказами начальства.

Бывшие военнослужащие немецко-фашистской армии, занимающие сегодня скамью подсудимых, являются уголовными преступниками и должны понести заслуженную кару за совершенные ими уголовные преступления.

«Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства», подписанная в 1943 году главами Правительств Соединенных Штатов Америки, Советского Союза и Великобритании, совершенно ясно предупреждает, что те германские офицеры, солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за зверства, убийства и казни, или добровольно принимали в них участие, будут судимы по законам тех государств, на территории которых они совершили свои злодеяния.

Подсудимые **Рецлав, Рпц, Лангхельд**, творившие кровавые злодейства на территории Советского Союза, должны отвечать в уголовном порядке перед советским судом по законам Союза Советских Социалистических Республик.

— Перед нами, граждане судьи, — говорит прокурор, — на этом судебном процессе еще и еще раз раскрылись кровавые, страшные дела гитлеровских разбойников, проливших море человеческой крови мирных советских жителей — детей, женщин и стариков, предавших огню и разрушению многочисленные наши города и села, причинивших бесчисленные бедствия и страдания нашему народу.

На этом процессе, перед лицом всего мира еще и еще раз показана и доказана чудовищная вина

всех подсудимых, как тех, которые уже сидят на скамье подсудимых, так и тех, кто еще будет сидеть на ней.

Их кровавые преступления вскрыты, разоблачены и доказаны: показаниями многочисленных свидетелей и потерпевших; подробными и научно-обоснованными данными судебно-медицинской экспертизы; публичными и полными признаниями самих подсудимых и, наконец, множеством вещественных доказательств, имеющихся по этому страшному делу.

Неисчислимо количество этих вещественных доказательств неслыханных преступлений, которые сотворили на нашей земле подлые гитлеровские захватчики. Эти вещественные доказательства—сожженные и взорванные дома и улицы, горы трупов, огромные котлованы и рвы, доверху наполненные останками заживо погребенных, удушенных, повешенных, расстрелянных, насмерть замученных ни в чем не повинных советских людей.

Эти вещественные доказательства находятся неподалеку, граждане судьи, в пригородах Харькова, в лесопарке, на территории тракторного завода и во многих других местах, превращенных фашистскими палачами в чудовищные могилы десятков тысяч жертв. Они взывают к мщению за невинно пролитую кровь!

На этом процессе еще и еще раз было показано всему человечеству, какие страшные, чудовищные плоды дала немецкая тупость, чванливая самоуверенность и человеконенавистничество, помноженные на дьявольскую гитлеровскую систему.

Еще великий писатель земли русской Лев Николаевич Толстой, могилу которого, священную для русского народа и всего мира, варварски осквернили современные гунны—немецкие фашисты, останавливаясь на тупом бездушии немецких солдат и их руководителей, писал:

«В самом деле, что должно сделаться в голове какого-нибудь Вильгельма германского, ограниченного, малообразованного, тщеславного человека с идеалами немецкого юнкера, когда нет той глупости и гадости, которую бы он сказал, которая бы не встречена была в восторженным хох и как нечто в высшей степени важное...он скажет, что солдаты должны убивать по его воле даже своих отцов—кричат ура! Он скажет, что евангелие надо вводить железным кулаком—ура! Он скажет, что в Китае войска должны не брать в плен, а всех убивать, и его не сажают в сумасшедший дом, а кричат ура и плывут в Китай исполнять его предписания...»

Героическая Красная Армия, руководимая великим Сталиным, нанесла немецкой военной машине ряд сокрушительных ударов и гонит немецкие банды с нашей советской земли!

Великая битва, которую ведут с озверелыми бандами Гитлера свободолюбивые народы всего мира и в первую очередь народы Советского Союза, — еще не закончилась, но исход ее уже предрешен.

Близится час полного и окончательного разгрома немецких армий, великий час победы. С гордостью будут говорить наши потомки, что в этом невиданном по своим масштабам сражении, в этом поединке света и тьмы, в этой войне, в

которой решалась судьба нашей Родины и судьбы мира, первые и решающие удары нанесла наша Красная Армия, наш народ, стойко и героически встретивший коварное нашествие вооруженного до зубов врага!

Заканчивая свою обвинительную речь, я обращаюсь к вам, граждане судьи, с требованием сурово наказать трех подлых предателей фашистского Берлина и их гнусного пособника, сидящих на скамье подсудимых, наказать за их кровавые преступления, за муки и кровь, за слезы, за жизнь наших детей, наших жен и матерей, наших сестер и наших отцов!

Сегодня они несут ответ перед советским судом, перед нашим народом и всем миром за совершенные ими злодеяния, масштабы и гнусность которых далеко превосходят самые черные страницы человеческой истории, ужасы средневековья и варварства!

Завтра будут отвечать их начальники—атаманы этих разбойников, вторгшихся на мирную, счастливую землю, на которой наш народ трудился, растил своих детей и строил свое свободное государство.

Я обвиняю Рецлава, Рица, Лангхельда и Буланова в преступлениях, предусмотренных частью 1-й Указа Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик от 19 апреля 1943 года.

Именем закона и справедливости,

Именем десятков тысяч замученных и растерзанных людей,

Именем всего нашего народа, –

я прошу Вас, граждане судьи, как государственный обвинитель, приговорить всех четверых

подлых преступников к смер[illegible] казни через повешение.

* * *

После речи государственного обвинителя председательствующий поочередно предоставляет слово защитникам подсудимых адвокатам тт. Н. В. Коммодову, С. К. Казначееву и Н. П. Белову.

Адвокат т. Н. В. Коммодов начинает свою речь с подробного анализа изуверской системы воспитания в фашистской Германии, порождающей таких нравственных уродов и преступников, как подсудимые.

— Является сомнение,— продолжает адвокат.— можно ли на одну доску поставить их, совершивших эти злодеяния, и тех, кто вдохновил их на эти преступления. Их сделали убийцами, убив сначала у них душу. И вот это сомнение, товарищи судьи, дает мне юридическое право поставить вопрос о возможном отступлении от той меры, которую предлагает прокурор.

Адвокат т. С. К. Казначеев, также признавая чудовищность преступлений, совершенных подсудимым Рецлавом, говорит:

— Нельзя забывать, что Рецлав служил в гитлеровской армии, где чувство человечности расценивалось, как слабость, а разнузданность и изуверство, как заслуга. Нельзя забывать, что основные преступления совершались им по приказам и директивам фашистских властей. Нет меры тяжести преступлений, совершенных Рецлавом. Но, учитывая те моменты, о которых я только что говорил, а именно, что Рецлав выполнял изуверские приказы своего начальства, что он долгие годы подвергался сам фашистской обработке, что теперь он осознал содеянное и т.

нем произошел психологический перелом, я полагаю возможной просьбу о сохранении ему жизни.

Защитник Буланова адвокат т. Н. Н. Белов, признавая тяжесть преступлений, которые совершил изменник Родины Буланов, просит суд учесть его молодость и его раскаяние.

* * *

После прений сторон председательствующий предоставляет последнее слово подсудимому Лангхельд.

Лангхельд.— Высокий суд, я ничего не имею добавить к своим показаниям. Я избивал русских военнопленных. По моим указаниям они расстреливались. По моим указаниям расстреливалось гражданское население, которое впоследствии расстреливалось. Я прошу принять во внимание, что не один я такой. Такова вся германская армия. Не один я творил зверства. Я не хочу как-либо преуменьшить свою вину. Хочу лишь указать, что русские причины всех зверств и преступлений немцев в России нужно искать в германском правительстве. Гитлеровский режим сумел подавить благородные чувства германского народа и воспитать у него низменные инстинкты. Это проводилось как путем пропаганды, так и актами массового террора. Особенно это нашло свое развитие в германской армии во время войны. Можно вспомнить слова германского поэта: «Это проклятие зла, которое в свою очередь порождает зло». Это зло, которое, показало себя особенно в настоящую войну. Это зло дало себя знать в приказах и указаниях высших германских военных инстанций. Противоречить этим указаниям или их не выполнять, это означало приго-

ворить себя с мого к смерти. Я также был жертвой этих приказов и указаний.

Прошу принять это во внимание. Прошу также принять во внимание мой преклонный возраст, а также то, что я как на предварительном следствии, так и на суде рассказал всю правду.

Председатель.—Садитесь, подсудимый Лангхельд. Подсудимый Рид, вам предоставляется последнее слово.

Рид.—Господа судьи, судебное следствие приходит к концу, и вы предоставили мне возможность сказать свое последнее слово. Я хочу, однако, со всей ясностью открыто заявить о моем отношении ко всему происходившему здесь. Я хочу, чтобы вы вынесли впечатление от моих показаний, данных как на предварительном следствии, так и на суде, и убедились, что я всегда открыто говорил обо всем, желая полностью раскрыть картину совершенных преступлений. Как раньше, так и в настоящий момент, я не имел преуменьшать степень своего соучастия в преступлениях. Зверство остается зверством. Я повторяю, что не хочу ни в какой мере преуменьшать свое участие в этом. Я хочу, однако, чтобы вы не вынесли такого впечатления, что я совершал убийства и зверства потому, что я получал от этого какое-то удовольствие или имел какое-то удовлетворение. Дело не в этом. Дело в том, что я действовал по приказу. Дело во всей приказной системе германской армии, заставившей меня выполнять те или иные действия. Выслушав речь господина прокурора, я хочу просить суд, чтобы он принял во внимание старый принцип римского права—преступления

под принуждением. Поверьте мне, что если бы я не выполнил приказ, то меня бы судил германский военный суд и приговорил к смерти, ибо совершенно ясно, что гитлеровская система направлена не только против чужих народов, но и против своего народа, если среди него найдутся такие лица, которые сопротивляются выполнению приказов.

Прошу, господа судьи, принять также во внимание мой [illegible] путь. Когда гитлеровская система пришла к власти, я был еще ребенком, мне было всего тринадцать лет. С этого времени я подвергался систематическому и планомерному влиянию гитлеровской системы, воспитанию в духе мифа о господстве германской расы, воспитанию, которое говорило, что лишь германский народ призван первенствовать, воспитанию, утверждавшему, что другие народы и расы являются низшими и подлежащими уничтожению. Я подвергался систематической обработке со стороны таких учителей, как Гитлер, Розенберг, Гиммлер, которые в таком духе воспитывали весь германский народ. Из этих же источников к началу войны прибавились новые пропагандистские тезисы, которые, впрочем, можно было встретить и до войны. Я имею в виду тезисы о некультурности и малоценности чешского народа. Так они учили нас. Затем, при [illegible] мобилизации я попал на фронт. Когда я прибыл на Восточный фронт, я убедился, что во всех этих фразах Гитлера, Розенберга и других нет ни слова правды, я убедился, что на Восточном фронте в германской армии не существует ни малейших понятий о каких-либо международных правовых нормах, что здесь нет правды во всем том, что творят

германские власти, но мне ничего уже не оставалось, как итти дальше по этому пути.

На Восточном фронте я убедился и в другом, что система, на знамени которой написано: «Убийство и зверство», эта система не может быть правильной. Я понял, что уничтожение такой системы было бы справедливым актом. Я молод, жизнь еще только развертывается передо мной. Я обращаюсь к вам с просьбой сохранить мне жизнь для того, чтобы я мог посвятить себя борьбе против этой системы. Я могу доказать, что я сумею вести борьбу против нее. Сегодня, господа судьи, я нахожусь здесь перед вами в качестве обвиняемого. Однако я уверен, что придет день, когда на скамью подсудимых сядут главные виновники и вдохновители преступлений, которые, как показал и этот процесс, являются организаторами кровавых преступлений. Я хочу обвинять эту систему, которая отравила наше сознание, молодых офицеров и солдат Германии. Я хочу выступить также и от имени германского народа, чье имя запятнали они не только на десятилетия, а может быть и на столетия.

Я — солдат и нахожусь перед судом солдат. Я прошу учесть все то, что я здесь говорил прямо и открыто. Я знаю, что предстоит вынесение приговора, приговора справедливого, в котором, я надеюсь, будет учтено все то, о чем я сейчас говорил. Я кончил.

Председатель. — Садитесь, подсудимый Рец. Подсудимый Рецлав, вам предоставляется последнее слово.

Рецлав. — Господа судьи, господин прокурор. Я признаю себя виновным в совершении многих преступлений.

Я хочу подчеркнуть, что в каждом отдельном случае я действовал по приказанию моих непосредственных начальников. В том случае, если бы я эти приказания не выполнял, то мне пришлось бы занять место моих жертв. Все мои преступные деяния являются следствием преступной пропаганды гитлеровских властителей. Нам вдалбливали в головы, что германский народ является высшей расой, а другие народы низшей. Нам говорили, что при установлении нового порядка в Европе германский народ должен был играть роль господина, а остальные народы должны быть его рабами.

За время моего нахождения на Восточном фронте, а также и в плену у русских я имел возможность убедиться в обратном. Я имел возможность убедиться в том, что гитлеровская пропаганда насквозь лжива. Я хочу открыть глаза германскому народу на лживость гитлеровской пропаганды.

Подытоживая все вышесказанное, я прошу помиловать меня и дать возможность по возвращении в Германию обратить свое желание в действие. На этом я кончаю.

Председатель.—Подсудимый Рецлав, садитесь. Подсудимый Буланов, вам предоставляется последнее слово.

Буланов.—Я не хочу оправдываться перед вами, потому что я признаю себя виновным во всех совершенных мною преступлениях, которые я творил под угрозой немецкого оружия. Я признаю себя виновным в том, что был пособником немцев, которые творили кровавые злодеяния над советским народом. Я не могу выразить все, что я пережил. Но я хочу, чтобы вы почувствовали

это. Работая у немцев, я насмотрелся на жуткие дела, которые они творили над советскими гражданами.

Я прошу вас, граждане судьи, об одном, чтобы вы при вынесении приговора сохранили мне жизнь, дабы в дальнейшем я мог бы искупить свою вину перед Родиной. На этом я заканчиваю.

Председатель.—Подсудимый Буланов, садитесь.

Суд удаляется на совещание.

ПРИГОВОР ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

15—18 декабря 1943 года, Военный Трибунал 4-го Украинского фронта в составе: председательствующего—Председателя Военного Трибунала фронта генерал-майора юстиции **Мясникова А. Н.**, членов: полковника юстиции **Харчева М. А.** и майора юстиции **Запольского С. С.**, при секретаре—капитане юстиции **Кандыбине Н. М.** с участием государственного обвинителя военного прокурора — полковника юстиции **Дунаева Н. К.** и защиты по назначению суда адвокатов **Коммодова Н. В., Казначеева С. К.** и **Белова Н. П.** в открытом судебном заседании в гор. Харькове рассмотрел дело о зверствах немецко-фашистских захватчиков в гор. Харькове и Харьковской области, по которому обвиняются:

1. **Лангхельд** Вильгельм, 1891 года рождения, уроженец гор. Франкфурт на Майне (Германия), немец, член национал-социалистской партии с 1933 года, офицер военной контрразведки германской армии, капитан;

2. **Рид** Ганс, 1919 года рождения, уроженец города Мариенвердер (Германия), немец, с высшим юридическим образованием, член национал-социалистской партии с 1937 года, заместитель командира роты СС, унтершгурмфюрер СС;

3. **Рецлав** Рейнгард, 1907 года рождения, уроженец города Берлина, немец, со средним образованием, чиновник германской тайной полевой полиции города Харькова, старший офрейтор;

4. **Буланов** Михаил Петрович, 1917 года рождения, уроженец станции Джанибек, Казахской ССР, русский, беспартийный;

Все четверо—в совершении преступлений, предусмотренных 1-й частью Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года.

Материалами предварительного и судебного следствия Военный Трибунал фронта установил:

Вероломно напав на Советский Союз и временно оккупировав часть его территории, немецко-фашистские войска по прямому указанию гитлеровского правительства, вопреки подписанным и ратифицированным Германией международным конвенциям о правилах ведения войны, звереки истребляли мирное население, угнали в немецкое рабство сотни тысяч советских граждан, грабили, сжигали и разрушали материальные и культурные ценности советского народа.

На территории гор. Харькова и Харьковской области зверества и насилия над советским мирным населением чинились офицерами и солдатами:

Дивизии СС «Адольф Гитлер» под командованием обергруппенфюрера войск СС Дитрих;

Дивизии СС «Мертвая голова» под командованием группенфюрера войск СС—**Симон;**

германскими карательными органами;

Харьковской «зондеркомандой СД», возглавляемой штурмбаннфюрером **Ханебиттер;**

группой германской тайной полевой полиции гор. Харькова, возглавляемой комиссаром полиции **Кархан;**

привлеченными к уголовной ответственности по настоящему делу — **Ланхельд** Вильгельмом, **Рин** Гансом, **Реплав** Рейнгардом, совместно с их подобником немецким Родине **Булановым** Михаилом.

В период временной оккупации гор. Харькова и Харьковской области немецко-фашистскими захватчиками расстреляно и повешено, заживо сожжено и удушено посредством окиси углерода свыше 30.000 мирных, ни в чем не повинных советских граждан, в том числе женщин, стариков и детей.

Так, в ноябре 1941 года в гор. Харькове, по распоряжению гестапо, из городских квартир было переселено в бараки, расположенные на территории Харьковского тракторного завода, около 20.000 мирного советского населения. Впоследствии группами по 200—300 человек они направлялись в близлежащую балку и там расстреливались.

Немецкое командование, выполняя прямое указание разбойничьего гитлеровского правительства об истреблении советского народа, не останавливалось и перед уничтожением находившихся на излечении больных и раненых советских граждан, в том числе и детей.

Так, в декабре 1941 года гестановцами было расстреляно 435 советских больных, находившихся в Харьковской областной больнице, среди которых было много стариков и детей.

В марте 1943 года немцами было расстреляно и заживо сожжено 800 раненых бойцов и офицеров Красной Армии, находившихся на излечении в 1-м армейском сортировочном госпитале 69-й армии, размещавшемся в г. Харькове на улице Трикотера.

Многочисленные, безвинно арестованные советские граждане подвергались в фашистских застенках гестапо и других карательных органах жестоким истязаниям и всякого рода надругательствам, причем нередко доводились таким путем «на допросах» до смерти.

Вопреки общепринятым законам и обычаям ведения войны, немецкое командование насильственно помещало мирных советских граждан, захваченных на временно оккупированной территории Советского Союза, в лагери военнопленных и рассматривало их, как военнопленных.

В этих лагерях, путем истязаний, расстрелов, доведения до голодной смерти и создания невыносимых условий, происходило массовое уничтожение военнопленных и гражданского населения, помещенного в эти же лагери.

Для массовых убийств советских граждан немецко-фашистские захватчики применяли так называемые «газенваген», большие закрытые автомашины, которые известны у русских «душегубками». В эти «газенвагены» немецко-фашистские захватчики загоняли советских граждан и умерщвляли их путем пуска специального смертельного газа—окиси углерода.

С целью сокрытия следов совершенных чудовищных злодеяний и массового истребления советских людей путем удушения окисью углерода в «газенвагенах» немецко-фашистские преступники сжигали трупы своих жертв.

Во время успешного наступления Красной Армии летом 1943 года и освобождения гор. Харькова и Харьковской области от немецких оккупантов все чудовищные злодеяния, совершенные немецко-фашистскими преступниками, были вскрыты Советскими органами и подтверждены предварительным и судебным следствием.

Выслушав об'яснения подсудимых, показания свидетелей, заключение судебно-медицинской экспертизы, а также речи государственного обвинения и защиты,—Военный Трибунал установил виновность каждого из подсудимых в следующем:

1. **Лангхельд** Вильгельм, являясь офицером немецкой военной контрразведки, принимал активное участие в расстрелах и зверствах над военнопленными и мирным населением, при допросах военнопленных, путем истязаний и провокаций, добивался от них измышленных показаний.

Лично сфальсифицировал ряд дел, по которым было расстреляно около ста пятидесяти невинных советских военнопленных и мирных граждан.

2. **Рид Ганс**, являясь заместителем командира роты СС при Харьковской «зондеркоманде СД», лично принимал активное участие в истязаниях и расстрелах мирных советских граждан в районе деревни Подворки близ Харькова, осуществлял руководство расстрелами, производившимися

«зондеркомандой СД» в гор. Таганроге, допрашивая арестованных, избивал их шомполами и резиновыми палками, добиваясь от них таким путем вымышленных показаний.

3. **Рецлав** Рейнгард, являясь чиновником немецкой тайной полевой полиции в гор. Харькове и проводя следствие по делам арестованных советских граждан, вымогал у них путем истязаний и пыток — выдергивание у арестованных волос и пытка иголками — вымышленные показания, составил фиктивное заключение в отношении 28 арестованных советских граждан об их виновности в антигерманской деятельности, в результате чего часть арестованных была расстреляна, другая часть умерщвлена посредством «душегубки».

Лично загонял в «душегубку» советских граждан, предназначенных для умерщвления, и сопровождал «душегубку» к месту разгрузки, а также принимал участие в сожжении трупов удушенных.

4. **Буланов** Михаил Петрович, изменив Социалистической Родине, добровольно перешел на сторону врага, поступил к немцам на службу шофером Харьковского отделения гестапо, принимал личное участие в истреблении советских граждан посредством «душегубки», выезжал на расстрел мирных советских граждан и участвовал в расстреле 60 детей.

Таким образом, виновность всех перечисленных выше подсудимых в преступлениях, предусмотренных 1-й частью Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года, как предварительным, так и судебным следствием доказана.

Руководствуясь ст. 296 УПК УССР и Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года,—Военный Трибунал фронта —

ПРИГОВОРИЛ

Лангхельд Вильгельма, **Рид** Ганса, **Рецлав** Рейнгарда и **Буланова** Михаила Петровича к смертной казни через повешение.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председательствующий генерал-майор юстиции—**А. МЯСНИКОВ.**

Члены:

Полковник юстиции—**М. ХАРЧЕВ.**

Майор юстиции—**С. ЗАПОЛЬСКИЙ.**

ПРИГОВОР НАД ОСУЖДЕННЫМИ К СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЧЕРЕЗ ПОВЕШЕНИЕ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗЛОДЕЯМИ ЛАНГХЕЛЬД, РИЦ, РЕЦЛАВ И ИЗМЕННИКОМ РОДИНЕ БУЛАНОВЫМ— ПРИВЕДЕН В ИСПОЛНЕНИЕ

19 декабря с. г. в 11 часов в городе Харькове на городской площади был приведен в исполнение приговор Военного Трибунала 4-го Украинского фронта над осужденными к смертной казни через повешение немецко-фашистскими злодеями—**Лангхельд** Вильгельмом, **Рид** Гансом, **Рецлав** Рейнгардом и их пособником — изменником Родине **Булановым** Михаилом Петровичем, за зверское истребление мирных советских граждан, в том числе женщин, детей и стариков в городе Харькове и Харьковской области.

На городской площади во время приведения в исполнение приговора Военного Трибунала при-

сутствовало свыше 40.000 трудящихся города Харькова и колхозников близлежащих районов Харьковской области, бойцы и офицеры Красной Армии, представители советской и иностранной прессы.

Оглашение и приведение в исполнение приговора было встречено трудящимися города Харькова и присутствовавшими колхозниками районов Харьковской области с большим удовлетворением, бурными и долго не смолкающими аплодисментами.

ХАРЬКОВ, 19 декабря. (ТАСС).

Пенз. Областная библиотека
имени М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Книга должна быть
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач _____

Заказ 280

3 рубля